

Наталия Осядовская

*Рудольф —
председатель
Совета Земли*

Книга пятая

Наталия Осядовская

**Рудольф – председатель
Совета Земли. Книга пятая**

«Издательские решения»

Осядовская Н. Ю.

Рудольф – председатель Совета Земли. Книга пятая /
Н. Ю. Осядовская — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-836873-8

Что будет, если изменения произойдут в прошлом, например, в лучшую сторону? Например, ликвидирована опасность взрывов супервулканов. Так вот, изменения в будущем уже происходят — эта теория правильная!

ISBN 978-5-44-836873-8

© Осядовская Н. Ю.
© Издательские решения

Содержание

Пролог	6
Глава 1. Предистория	7
Глава 2. Гриссель	11
Глава 3. Запретная любовь	17
Глава 4. Ультиматум Короля	20
Глава 5. Золотая клетка	22
Глава 6. Виват, король, виват!	25
Часть вторая. Рудольф. Записано со слов главного героя	28
Глава 1. Розовое детство	28
Глава 2. Юность. Наша троица	32
Глава 2. В свободном плавании	34
Глава 4. Работа на службу безопасности	37
Глава 5. Крах Мартина и гибель Филиппа	39
Глава 6. Клуб Мартина – наша общая победа	41
Глава 7. Юлиана	43
Глава 8. Новая жизнь	45
Глава 9. О личном	47
Конец ознакомительного фрагмента.	48

Рудольф – председатель Совета Земли
Книга пятая
Наталия Осядовская

© Наталия Осядовская, 2017

ISBN 978-5-4483-6873-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Пролог

Я появился в заранее оговорённое время, но она меня не встретила. В центральном пастпорту меня ждали только Эни с Мартином, которые, конечно, знали точно час возвращения собственных туристов из Лас Вегаса. На мой вопрос, где же Гриссель – мать пожала плечами, а Мартин ответил кратко:

– Подожди, не торопи события!

– Что случилось? – заволновался я.

– Ты всё узнаешь после карантина. Рудольф заказал спецкапсулу. Вы встретитесь теперь на его территории.

– Так он знает?

– Ещё бы, он не знал! Только барышня Гриссель могла питать надежду, что Рудольф глухой, слепой и немного... идеалист. Признайся, ты так не считал! Сколько лет продолжаются ваши отношения?

– Скоро пять. Да, я думал он просто ждёт, когда «само рассосётся»!

– И поскольку этого не произошло... Если честно – мне известны его планы. Но озвучивать их я не имею права. Обещал. Сам изложит! – И добавил:

– Так что 2—3 дня у тебя есть. Чтобы подумать над своим поведением!

Он подмигнул мне и улыбнулся.

Глава 1. Предистория

Этим я и занялся, когда отоспался после перемещения.

Итак, в первый раз мы встретились с Грис в доме её родителей. Здесь не принято употреблять это слово, но факт остаётся фактом. Гриссель – дочь Рудольфа и Хильды, хотя она её и не рожала. Роды здесь считаются анахронизмом. Но биоматериал был взят у этой пары, и получившееся в результате дитя через год было позволено взять на воспитание биологическим родителям.

– Тьфу, опять я употребил это слово!? А без него – никак!

Воспроизводство и воспитание новых членов общества в Новейшей Эре одна из самых серьёзных общественных задач. И такая возможность – иметь собственного ребёнка – есть только у элиты. Да и то – оговариваются возраст и состояние здоровья пары, пожелавшей этого.

Все эти условия, видимо, были соблюдены, и, когда маленькой Грис исполнился год, она поселилась в доме Рудольфа. А её мать Хильда оставила работу врача-психоаналитика и занималась только воспитанницей. Так прошло девять лет.

Достигнув 10-летнего возраста, девочка покинула дом Рудольфа. Дальше – жила и училась вместе с другими «домашними» детьми в специальной школе в элитном массиве. А Рудольф и Хильда общались с ней только во время каникул. Во время таких её каникул мы и встретились в первый раз. Ей было 15 лет, мне – 21.

То есть сначала я познакомился с Рудольфом. Это было моё первое перемещение в Новейшую Эру. Рудольф тогда курировал дело фариев, а я находился в Клинике Морисона вместе с Мартином – главным визитёром и переговорщиком по этому делу.

Рудольф сам тогда проявил инициативу. Он вообще достаточно коммуникабелен – любит общаться с новыми людьми. Как мне кажется, наши первые беседы происходили на тему истории костюма. Любопытный, обаятельный и доброжелательный – так я бы о нём сказал, если бы кто-то спросил меня про первое впечатление. Более того – симпатичный и с хорошим чувством юмора. Возможно, из-за того, что с дедом они были не только коллеги, но и школьные друзья, держался он очень просто, хотя и тогда занимал высокую должность в Службе Безопасности.

Помню, его поразила мода на «драные» джинсы, о которой он узнал только от меня. Он упражнялся в остроумии на тему штанов с вентиляцией и даже подозревал меня в подвохе. Я потом специально для него скачал из нашей Сети картинки с ценниками и видео с модных показов. И подарил ему тот диск в следующий приезд. Он был в нашей компании, когда Эни через свою «Метаморфозу» свозила в Париж 1921 всех друзей Мартина и нас с Сандро за компанию.

Веселился там Рудольф от души. И даже произнёс речь перед марксистами на подогретой пивом вечеринке на тему «Как надо правильно обустроить общество». Я ещё тогда сделал фильм об этом событии и подарил ему одну из копий. Он оценил мою работу и поблагодарил искренне и тепло! Правда, тогда он ещё не был членом Совета.

Моё первое впечатление от Грис? Умненькая и славная девочка. И дитя-дитём! Она мне тогда читала свои юношеские стихи. И никаких женских штучек!

«Искра» проскочила намного позже – почти через шесть лет. Рудольф устроил тогда для нас вечеринку перед перемещением в Неаполь. Со мной была 5-летняя Софи, а всё это происходило уже в его резиденции под прозрачным куполом.

Да, конечно. Он уже был членом Совета! Проект по Неаполю – это его первое детище.

Предотвратить взрывы супервулканов в 24-м веке – грандиозная задача, но, безусловно, имеющая решение с точки зрения технологий 29-го века.

В недрах планеты постоянно кипит магма, вырываясь иногда на поверхность через трещины, разломы и прочие дефекты. Лава, застывая вокруг этого дефекта-жерла, образует конус вулкана. Эти точечные выбросы можно сравнить с фурункулами на теле Земли. Но есть и другие вулканы – это обширные территории истончённой земной коры, под которой пульсирует раскалённая магма. Если продолжать медицинские аналогии – это уже флегмона! На самой этой территории может действовать несколько обычных вулканов, но их можно сравнить с клапанами для выпуска пара.

Теперь представьте себе, что будет, если взорвётся сам котёл? Это сотни Хиросим! Все поражающие факторы налицо. Кроме радиоактивного заражения. А белая вулканическая пыль, разлетается на тысячи километров и безжалостно поражает и людей, и животных. Никакие маски не спасают от проникновения её в лёгкие, а там, смешиваясь со слизью, она, как цемент, образует монолит!

Идея укрощения супервулкана проста – пробурить скважины до магмы и создать условия для постепенного её выхода на поверхность. Бурить, правда, надо на глубину 10—15 километров.

Именно таким образом удалось предотвратить взрыв Супервулкана на территории Соединённых Штатов. И сделано это было примерно в то же время – в конце 21-го века их собственными усилиями. Но Штаты – самая богатая страна в те времена. Там «звоночек» прозвучал первым. Наблюдая усиление вулканической деятельности на территории Йеллоустоунского парка вблизи Скалистых гор, учёные забили тревогу, и голос их был услышан. Взрыв был предотвращён, поскольку не пожалели средств и оценили серьёзность проблемы. Другие супервулканы расположены на территориях государств, не оценивших серьёзность проблемы. И последствия этого легкомыслия обнаружились почти сразу после столкновения небесного тела с Луной.

А если бы они не наступили? Как бы всё пошло? Скоро узнаем! Да, да – дело сделано. Взрыва в Неаполитанской кальдере не будет. И Западную Европу не залиют потоки лавы, и не засыплет пеплом, как это случилось, когда произошла разбалансировка земной орбиты, и проснулись Супервулканы.

Первым тогда взорвался Тоба на индонезийском острове Суматра, и цунами уничтожило огромные города юго-восточной Азии. Море поглотило Японию и Филиппинский архипелаг, смыв заодно Корею и острова Дальнего Востока Евразии. Высокотехнологичная цивилизация и многие миллионы людей пали жертвой этого монстра. Количество погибших уже не поддавалось даже приблизительной оценке, когда взорвался второй – в Неаполитанском Заливе. Эта катастрофа ставила под вопрос само существование земной цивилизации, поскольку бедствие происходило в самом центре густонаселённой Европы. В самой колыбели цивилизации. Всё, что не было залито лавой – быстро засыпалось вулканическим пеплом, а одновременно льющие дожди покрывали толстой и прочной коркой города и страны. И мало кому из европейцев удалось спастись!

Эти мрачные мысли о судьбе земной цивилизации в период катастроф были созвучны моим раздумьям о собственной жизни. Заблудился, блин, между двух миров и запутался в отношениях с двумя женщинами.

Ну, а сам – то я, получается, – вру обеим?

Нет! Обеим правду говорю! Они обе мне дороги, они обе – главные в моей жизни. Только Гриссель здесь – в Новейшей Эре, а Анюта – там в моём времени в Новой. Но у Грис отец практически всемогущ в этом мире, а у Анюты кроме меня и детей больше и нет никого. Я надеюсь, что Аня не знает о моей измене. Один раз она меня уже простила...

Да, будучи мужем Ани и отцом троих детей я просто не имел морального права отвечать на чувства молоденькой девушки. В этом – виноват! Но вы сами попробовали бы стать вдруг из стекла и железа и сделать вид, что ничего не происходит...

Всё случилось сразу после моей второй экспедиции в Неаполь. В её составе из той предыдущей нас было двое – я и Карл. Он и был первым пилотом и руководителем, поскольку участвовал во всех переговорах вместе с Мартином, а я как бы его замещал. Гриссель прилетела как эколог – надо было минимизировать урон, который нанесут наши скважины местной природе. Была ещё пара специалистов по самой скважине – они занимались привязкой на местности проекта, который был сделан лучшими специалистами Новейшей Эры. С этими двумя мужчинами она и работала все дни.

В последний год перед той экспедицией Грис времени не теряла – училась в Школе Проводников, как Эни в своё время. Она пожелала прослушать курс и освоить все манипуляции, и отказа ей, конечно, не было ни в чём. Тем более, что в своих экологических рейдах она и до этого многому научилась и повидала всякое. И вот теперь смогла участвовать в проекте отца. Так что Гриссель летела ещё и как второй пилот.

Мы с Карлом целыми днями общались с представителями местной власти и разными здешними уважаемыми людьми, которые пока присматривались – хотели в перспективе поучаствовать в наших делах. Я уже 100-процентно понимал местный итальянский, а они понимали мой тосканский диалект, который считается итальянским классическим. Так что я теперь мог быть и переводчиком, и участвовать в переговорах. Разумеется, от них тоже был переводчик с английского. Хотя основные документы были подписаны в прошлый раз, возникло много новых подробностей, которые мы и должны были согласовать. Это с утра. А потом мы с Карлом приносили себя в жертву южно-итальянскому гостеприимству. Банкеты для нас устраивались каждый день. Обжираловка на фоне красивенных видов и сладкой итальянской музыки. В результате – каждый вечер мы оба были не в форме.

Троица же взяла напрокат местное транспортное средство – помесь вертолёт с дирижаблем и с удовольствием каталась каждый вечер над Заливом. Меня Грис только один раз уговорила покататься, но из-за предшествовавшего полёту обильного обеда удовольствия я не получил. Так что в Неаполе мы почти не общались.

После карантина меня успел забрать Мартин. Но теперь неделю я должен был жить один – он и Эни как раз запланировали отпуск.

– Отдыхай, после перемещения лучше дольше спать и не перенапрягаться ни умственно, ни физически. Думаю, что и скучать ты не будешь – мне вчера позвонила Грис. Я дал ей код входа. Правильно сделал? – Мартин посмотрел на меня серьёзно и испытующе.

– Да, да, конечно! – ответил я, а сердце моё сладко сжалось.

– Если что-то надо будет срочно решить по мелочи – тебе поможет Филипп. Как с ним связаться – ты знаешь. А для совсем уж экстренных случаев – вот телефон Рудольфа.

Она позвонила через два дня:

– Еду к тебе! Встречай через полчаса.

Я был готов! Каждое утро я тщательно брился и не устраивал бардак в своей комнате из одежды и разных мелочей, что обычно мне свойственно. Влезаю в тёплый серебристый комбинезон – зимний вариант – и поднимаюсь к дорожке, на которую выходят все вновь прибывшие в апартаменты Мартина. Зима здесь в Новейшей Эре бесснежная и очень туманная. Морозов, правда, тоже нет обычно от +5 до -5, но сильный порывистый ветер отбивает желание погулять или, например, покататься на катере.

Через четверть часа выходит Грис в дутым белоснежном комбинезоне. Гибкая и изящная, даже в такой одежде! Тут не принято целоваться при встрече, но она обнимает меня за шею и легко целует в губы. Пытаюсь обнять её в ответ – легко выскальзывает и бежит вниз по сту-

пенькам. Она была здесь несколько лет назад, когда Мартину исполнилось 70, и они приезжали поздравлять его все вместе. Но всё это мы обсудим позже, а пока я бегу за ней, ослеплённый и замороженный её юной прелестью.

Её рюкзачок, свои бахилы и комбинезоны мы побросали прямо вниз в холле. Я подхватил на руки мою драгоценную принцессу и понёс в свою комнату на второй этаж. Там всё и случилось. Она кричала и царапала мне спину. Я этого даже не почувствовал! И не такое бы стерпел – все мои самозапреты рухнули. Я любил эту прекрасную нимфу, как не любил ещё ни разу в жизни!

Она осталась со мной до самого возвращения Мартина и Эни. Что уж она соврала родителям – не знаю. А на работе ей полагался двухнедельный отпуск после перемещения. В перерывах между, сами понимаете, чем, мы успели рассказать друг другу свои ещё короткие «биографии» или жизнеописания – можно выразиться и так. Я тоже рассказал ей подробно о себе, но здесь напишу о ней, моей принцессе.

Глава 2. Гриссель

Она вовсе не пришла в восторг, когда я в первый раз сказал ей в сладкую минуту: «Моя принцесса!» Оказалось – это было её школьное прозвище, и имело оно тогда достаточно иронический окрас.

Начну с начала:

– Хотя я родилась в Бейбилоне, но помню себя, естественно, уже в доме отца.

Мы не называем друг друга в глаза – мама, папа, дочка, а только по имени Хильда, Рудольф, Грис. Но думаю я о них, как о папе и маме. Они, мне кажется, тоже любят меня не как воспитанницу, а как дочь. В атмосфере их любви я и провела детство. Тогда мы жили в том маленьком форте на берегу студеного озера. Ты же был у нас! Там я тебя в первый раз и увидела.

Хильда была всегда с ней, а Рудольф, конечно, часто проводил на работе далеко не 6 часов, как положено, но всё свободное время он занимался только ею.

У ребёнка был строгий распорядок – еда, сон, игры и всё остальное – вовремя! Но, если отец приезжал позже – делались исключения. Позволялось позднее лечь спать и, соответственно, встать утром.

– Мы, конечно, не носились с игрушечными бластерами по всему дому, если он приезжал только после ужина. Он устраивался рядом с моей кроваткой и рассказывал мне сказки, которых не было ни в одной книжке. Наверное, он их придумывал для меня сам!

Мама, хотя она по специальности врач-психолог, учила меня видеть красоту окружающего мира. Она показывала мне на экране старинные картины, рассказывала о художниках и учила рисовать карандашом и кисточкой. Тогда я ещё была слишком мала, чтобы рисовать на компьютере.

Мои каляки-маляки складывались в домашнем архиве вместе с фотографиями, которые делались практически каждый день по разным поводам и без. Всё это до сих пор хранится в моей детской, которую отец перенёс в свою новую резиденцию. Я сама теперь иногда провожу час другой в этой комнате и умиляюсь тому, что каждый мой день сохранён с любовью и нежностью. Да, да! Есть там и комментарии! И мамы, и папы. И всё обо мне! Как я сейчас понимаю – даже в отпуск они вместе ни разу не съездили за эти девять лет. Уже потом, когда я переселилась в Школу, они отдыхали вместе и даже как туристы побывали в Париже. А тогда вся их жизнь крутилась вокруг моей драгоценной персоны.

Иногда мы ездили в гости к сослуживцам отца. Или они приезжали к нам. У всех у них были дома на поверхности, а то, что большинство землян живёт в подземных сотах, я узнала, уже учась в Школе.

Мне было там трудно первое время. Нет, предметы, по которым происходило обучение, мне были не в новинку. От французского меня вообще освободили, посчитав, что уровень владения языком соответствует выпускному классу. А от изобразительного искусства я отказалась «освободиться» сама, поскольку в свободные от французского часы меня приспособили для достаточно нудной работы – я наводила порядок в школьной библиотеке.

Так что дело было не в трудностях обучения, а в недостатке внимания со стороны взрослых. Дома двое взрослых ловили каждое моё слово, а здесь нас было 12 на одного или двоих учителей. В моём выпуске 7 девочек и 5 мальчиков. Через год стало ясно – я первая, причём по всем предметам. Думаю, дело тут не только в генах, хотя и отец, и мать у меня умные и креативные. Остальные дети тоже воспитывались в домашних условиях, но только меня так любили! Девочки рассказали мне про кукол-роботов, с которыми они общались большую часть суток. У меня таких кукол не было. И, я думаю, не по причине их дороговизны.

К тому же я очень старалась – не хотела разочаровать Рудольфа и Хильду. Так и прошли мои первые школьные годы – учителя меня непрерывно хвалили, а друзей среди детей мне это не прибавляло. Ко всему прочему, когда мы подросли, оказалось, что я самая красивая из девочек. Это они и окрестили меня «наша принцесса». И что я, виновата, если у меня получалось всё, за что я бралась? Пробовала всё подряд – писала стихи, сочиняла музыку, рисовала картины на компьютере. А то, что даётся легко – не ценишь!

И вот в один из приездов на каникулы отец рассказал мне о своей идее – «прилетев из будущего предотвратить взрывы Супервулканов». Это было

через год после выборов в Совет, и я в первый раз приехала уже в новую резиденцию. Я, конечно, поразилась её размерам, комфорту и окружающей природе. Отец выглядел окрылённым своим успехом на выборах в Совет и был серьёзен, как никогда:

– Итак, самые большие бедствия тогда в 24-м веке нанесли Земле именно Супервулканы. Земля после той страшной катастрофы во многих местах до сих пор так и покрыта толстым слоем окаменевшего вулканического пепла.

Я слушала его с нарастающим удивлением и интересом. Он продолжал:

– Мы даже не знаем точного положения дел, потому, что это, как-бы, и не очень важно для повседневного благополучия. Большинство населения живёт в сотах. Технология продления и расширения их давно отработана. А поскольку воспроизводство населения контролируется – всего всем хватает и на этой освоенной территории. Так как мы – в домах на поверхности – живут единицы. Даже большая часть элиты живёт в сотах. Ты сама получишь такую элитную соту в день окончания школы и поймёшь разницу!

Я рассказала ему, что уже была в соте – моя школьная подруга позвала меня на свой семнадцатый день рождения. Праздник ей устроила мать, которая живёт теперь отдельно от отца во вдовьем массиве.

– Вот как! Бывают и такие случаи, – удивился отец. – А мне казалось, что общий ребёнок цементирует отношения.

– Не всегда. И так как вы с мамой меня лелеяли – быстрее исключение из правил. У меня даже не было куклы-робота, в компании которых и проводили большую часть своего детства мои одноклассники.

– Да, ты права, – развеселился Рудольф, – Мы даже немного поссорились тогда с Хильдой по этому поводу! Я, конечно, как только они появились, заказал для тебя самую лучшую, а она – восстала. Я уступил ей как специалисту, но до сих пор думаю, что она преувеличила отрицательное влияние таких кукол на формирование характера. У нас в доме никогда не было даже котиков-роботов. У Хильды на них тоже зуб!

Я перевела разговор опять на состояние поверхности Земли. В первый раз отец посвящал меня в очень серьёзную проблему, и я твёрдо решила, что буду ему помогать. Когда я это сказала – он ответил, что очень рад и питает надежду, что большинству Землян тоже понравится его проект!

Сам меня и вдохновил!

Вернувшись после каникул в Школу, я начала действовать. Первым делом я провела глубокий поиск в Сети. Полётами над поверхностью Земли занимались только спортсмены и курсанты Школы Проводников. Я, разумеется, знала, что Мартин как раз имеет отношение к Школе. Ему я сразу написала электронное письмо – прямой связи между элитным и тем массивом тогда не было. А относительно возможности вступления в Лётный Клуб произвела разведку через школьного преподавателя физической подготовки.

Сведения относительно состояния поверхности Земли в настоящий момент были действительно весьма скудными. Ясно было одно – нашей цивилизацией хорошо освоены лишь две наименее пострадавшие от катаклизмов территории – одна была когда-то Сибирью – теперь там

живёт большинство населения, а вторая – территория, принадлежавшая когда-то Соединённым Штатам Америки – элитный массив и место жительства Совета. Всё остальное – сплошное белое пятно для не знающих специальных кодов доступа к секретной информации.

Через неделю я получила ответ от Мартина. Он очень тепло и немного с юмором воспринял моё желание поступить в Школу Проводников. Но... все курсанты у них совершеннолетние.

– Когда исполнится 20 – милости прошу! – пригласил меня Мартин.

Оставался второй путь. Физрук всё разведал и доложил – доступ в Клуб открыт для всех желающих... мужчин начиная с 18 лет. То есть там не то, что запрещено принимать слабый пол, а просто до сих пор не было прецедентов.

Я сразу возмутилась по поводу такой дискриминации по половому признаку. Мы с физруком нажали на все кнопки, и, поскольку мне тогда уже исполнилось 18, я получила приглашение стать членом Клуба.

В первый же раз, явившись на мероприятие, я поняла, что единственная особа женского пола в чисто мужской компании – это не просто. Тем более что внешне я не тянула на товарища по оружию – этакая хрупкая куколка с длинными ресничками, золотыми кудряшками, но в сером пилотском комбинезоне. Вся аудитория сворачивала головы, чтобы полюбоваться на нового члена клуба.

Ажиотаж, впрочем, быстро прошёл. Физрук тоже вступил в лётный клуб, и мы вместе посещали все мероприятия. Медики не нашли в моём организме никаких дефектов, так что путь в небо был открыт!

Жизнь моя заиграла новыми красками! Я научилась летать на нескольких видах летательных аппаратов. Это были большей частью гибриды различных видов трансхаверов, чтобы тебе было понятно. Вот это было моё! Я быстро завоевала репутацию отважной и умелой лётчицы.

Одновременно я законтактила по Сети с разными экологическими организациями. Они выполняли заказы на обследование и контроль поверхности только для заказчиков, имеющих доступ к секретной информации. Общественных экологических движений вообще не существовало. И я ринулась с головой в эту пустующую нишу!

Через пару месяцев на моём Форуме в Сети дискутировала компания энтузиастов, готовых на любые подвиги. Идеи я толкала примерно такие – чтобы жить на поверхности надо приложить все силы, чтобы её увеличить, эту поверхность, пригодную для проживания. Мы добьёмся – Совет нас услышит! И мы должны собрать под свои знамёна как можно больше сторонников, готовых к решительным действиям.

Видимо, мою активную деятельность зафиксировала Служба Безопасности и, проинформированный ими Рудольф в один прекрасный день явился в Школу и забрал меня домой на внеочередные каникулы.

Дома я получила нагоняй по полной программе:

– Ты что творишь? Кто тебя надоумил? Ты же девочка, ты даже Школу не окончила...

И всякие такие упрёки. Ни слова похвалы или, хотя бы удивления по поводу того, сколько я успела сделать за последние полгода!

Я замкнулась и впала в депрессию. Сидела с наушниками в своей комнате и не хотела никого видеть. Ночью даже поплакала, хотя обычно мне это не свойственно.

Сначала ко мне пришла мама. Отца не было дома. После вчерашней выволочки он не спал всю ночь. Но утром всё равно должен был быть на работе «как штык».

Мама поставила вопрос примерно так – у Рудольфа самая важная работа, которую только можно представить в нашем мире. А мы, его любимые женщины, должны обеспечивать тылы. Надо вести себя так, чтобы дома он получал только положительные эмоции!

Да, я была с ней согласна. Мне бы ещё понять, что именно вызвало такой гнев отца. Я-то рассчитывала совсем на другую реакцию. Я рассказала всё матери – она меня успокоила, что

ничего ужасного я не совершила, а они с отцом по-прежнему меня очень любят. Ближе к вечеру примчался отец. Мама, видимо, дозвонилась ему, и он сам лично разобрался с материалами, которые были против меня собраны.

Он влетел прямо ко мне полный раскаяния. Попросил прощения, а я в ответ – рыдала в голос. Он посадил меня к себе на колени, как маленькую, и на ушко мне рассказывал какая я молодец.

– Мы с мамой и не заметили, как ты стала взрослой. Только плачешь, хуже маленькой! Я не помню, чтобы в детстве ты была такой плаксой...

– А ты меня и не обижал ни разу до вчерашнего дня!

– Ну, прости, не разобрался. Так это ты решила мне помочь? Собрать единомышленников под мои знамёна? А посоветоваться было – слабо?

– Всё это я придумала уже позже, когда была в Школе. И что... письмо надо было написать? Ты же их не читаешь! Я думала ты обрадуешься...

– И что мне теперь прикажешь делать с твоей армией?

– Ты ещё не знаешь, какая моя конечная цель – это будет общественная экологическая разведка! Мы будем отправлять небольшие экспедиции энтузиастов во все концы, и они будут привозить пробы грунта, делать съёмку, устанавливать датчики – всё, что нужно. И если в это будут вовлечены энтузиасты на общественной основе – вот увидишь, все будут «за»! Общественное мнение точно будет на твоей стороне!

Я рассказала ему о Лётном Клубе, о том, что сама теперь свободно управляю 6-местным трансхавером.

– Я завербовала в свои ряды и других членов клуба. Желающие есть – как только будет конкретный план действий – они присоединятся.

– Как же ты занималась в этом клубе – там же одни мужчины, а ты ещё школьница?

– Наш физрук всегда был со мной. Видимо, он боялся того же, что и ты.

– Ну ... и как? Всё обошлось?

– Да нормально всё! Физрук, я думаю, проинформировал всех соискателей, чья я дочь!

– Ой, ли? А если бы ты сама влюбилась в кого-нибудь из них?

– Нет, ты же знаешь – моё сердце не свободно!

– Как, это опять про Андрея? Ну, и упрямица ты у меня!

Когда я в 15 лет в тебя по-детски влюбилась, то тут же поделилась с отцом своими новыми ощущениями. Он, в свою очередь, поделился с Хильдой этой «радостью». Обсудив предварительно проблему, они рассказали мне правду. Что ты родился и жил до 20-ти лет в далёком прошлом, хотя ты и сын Эни. Что у вас там совсем другие понятия о жизни, и что ты вряд ли ответишь мне когда-нибудь взаимностью. Отец, ещё помню, пообещал мне, что я обязательно встречу здесь своего принца, такого же красивого и умного, как Андрей.

Больше я не заводила разговора на эту тему. Теперь это была моя тайна. Так что все эти годы ты незримо присутствовал в моей жизни. С тобой я сравнивала всех потенциальных «принцев», и они не выдерживали сравнения.

Время лечит – это так. Но моя тайная любовь подпитывалась, хотя и изредка, встречами с тобой по разным поводам. Мне хватило объективности оценить, когда вы с Мартином спасли Анюту. Теперь ты был в моих глазах ещё и Белый Рыцарь, вырвавший свою любимую из лап смерти!

Но это лирическое отступление – дорасскажу сначала про Школу!

В момент тех внеочередных каникул мне предстояло ещё полтора года учиться. Когда Рудольф меня спросил, я честно ответила, что мне в Школе не интересно, но я понимаю – её надо закончить – не долго уже осталось. Отец взял тайм-аут на пару дней. Он сказал, что ему тоже надо всё обдумать!

А через два дня я получила от него потрясающее предложение. Вот оно:

1. За полгода я экстерном оканчиваю Школу, не отвлекаясь на Лётный Клуб и Форум.

2. Год учусь на Эколога – мне будут предоставлены все возможности для обучения и стажировки, в том числе доступ к секретной информации.

3. Создаётся Служба Экологической Разведки, которую я и смогу возглавить.

Я была в восторге!

И мы тут же начали действовать по этому плану. Получив информацию по поводу не прослушанных мною предметов, отец организовал моё дообучение на дому. А курсы, помогающие выпускникам адаптироваться к самостоятельной взрослой жизни, читали мне сами Рудольф с Хильдой. Как когда-то в детстве! Так что подробности о физической стороне любви я узнала от них.

Через полгода в Школе я успешно прошла все тесты. Мне выдали аттестат, поставили чип, запрограммировали соту – всё было соблюдено – я стала взрослой!

В соте, правда, я бывала не часто. Когда год обучалась на эколога – мне было «домой» даже ближе, не говоря о том, что я попросту скучала, если не видела Рудольфа и Хильду несколько дней. Те последние полгода снова связали нас крепкими семейными узами.

Учиться мне было интересно. Тем более что в качестве личного куратора мне достался человек весьма незаурядный. Джеральду, я думаю, тогда было чуть больше сорока. Потом я нашла в Сети его сайт и узнала точный возраст. Это было, конечно, не самое главное. Я увлеклась им, прежде всего, как учёным в этой области. К тому же он – замечательный рассказчик. Этот талант легко позволяет влюблять в себя особ противоположного пола его обладателям. Воистину – женщины любят ушами! И он был не то, что очень красив, но очень интересен. Знаешь, иногда представители чёрной расы с возрастом становятся только притягательнее для женщин. Высокий, гибкий, с обаятельной саркастической улыбкой – я думаю, что множество женщин пало от его чар. Это и был мой первый мужчина, которого я пригласила в соту.

И... у меня не возникло желания повторить это приглашение. Я была разочарована – хотя всё случилось именно так, как я и ожидала. Я не получила тех феерических ощущений, которые должны были случиться по канонам всей предшествующей мировой культуры. Может, дело во мне?

Джеральд, не получив повторного приглашения, грустно улыбнувшись намекнул, что жизненный опыт – это, конечно, прекрасно, но в любви всегда побеждают молодые.

Такой герой случился примерно через год. Даже не хочу называть его имени – до сих пор мне неприятно вспоминать этот эпизод.

Красавец, божественная стать и дивный голос – он поступил в Экологическую Разведку в качестве пилота. Сразу начал оказывать мне знаки внимания – геройствовал по полной программе. И получил-таки приглашение в соту!

Эффект получился ровно тот же, что и с Джеральдом. А вот после – всё было гораздо хуже. Огорчённый супермачо так надоел мне с просьбами дать ему ещё один шанс, что мне пришлось прибегнуть к помощи отца. Его благополучно перевели с повышением куда-то далеко-далеко...

Тогда и состоялся наш с Рудольфом разговор на эту тему. Я винила во всех неудачах себя и готова была сделать вывод, что просто не создана для физической любви. Что-то не так у меня устроено там внутри, как у других женщин. Он меня всячески успокаивал, говорил, что я слишком ещё молода и призывал не торопиться со следующими попытками.

Я и не торопилась. Следующий раз – это вот этот самый – с тобой! И теперь я точно знаю, что устроена также как и все остальные женщины. Может даже лучше! И все стихи и артефакты, созданные по этому поводу это не сладкая ложь и даже не преувеличение.

Ты не думай, я долго запрещала себе это. Я пригласила тебя танцевать – помнишь, тогда перед первым рейсом в Неаполь? От этого танца я получила более яркие и запомнившиеся ощущения, чем от тех обоих свиданий вместе взятых. Но ты в своём времени муж Анюты

и отец двоих детей. А в нашем – живёт Софи – ещё одна ваша дочь. Я понимала, что это не правильно, не честно, если я буду тянуть тебя в свою сторону. Хотя женская интуиция мне шептала, что ты тоже меня любишь, и только такие же соображения не позволяют тебе сделать шаг мне навстречу. Я была права?

Разумеется, я уверил её в том, что она права. А про себя изумился столь высокоинтеллектуальному (ну и словечко!) анализу собственных ощущений, который и привёл нас обоих к этому счастью.

Она пообещала мне (даже больше не мне, а себе!), что никогда не будет претендовать на какие-либо права моей жены. Что встречаться мы будем только в Новейшей Эре, а поскольку моё возвращение можно запрограммировать с минимальными промежутками – это не пойдёт в ущерб моей семейной жизни.

Глава 3. Запретная любовь

Первые два года так и было. Мы встречались только во время моих визитов в Новейшую Эру. Дома считалось, что я навещаю Софи. Ну, и Эни с Мартином. Заодно – всякие литературно-обменные дела с матерью. Я всегда жил в доме Мартина во время этих визитов.

Я рассказал им всё ещё в самый первый раз, когда они вернулись из отпуска. Грис уехала перед самым их возвращением.

Мартин сказал, что я умудрился полюбить самую опасную женщину в Новейшей Эре. Опасную, пока из-за того, что она дочь Рудольфа. Но если экстраполировать в будущее её карьеру – она может стать первой женщиной – членом Совета.

– Будь на чеку! Не вздумай её обидеть! – заключил Мартин.

Эни просто сказала, что она очень рада, если мы оба счастливы. Моя мать всегда была по жизни оптимисткой и не верила в злостное коварство Рудольфа. К тому же она всегда надеялась, что я буду жить в Новейшей Эре, а Новую – иногда навещать.

Мартин с Эни могли в любой момент прекратить наши свидания. Но не сделали этого. Грис жила эти 2—3 недели вместе со мной. Брала отпуск? Я не знал.

Это было третье наше свидание. Грис умудрилась оформить все нужные допуски и могла теперь показать мне место своей работы.

Служба Экологической Разведки занимает огромное здание, расположенное по большей части под землёй. Кабинеты могли трансформироваться в открытые и закрытые варианты, каждый работник имел индивидуальный доступ к общей мощной вычислительной системе, а на командном пульте в кабинете Грис располагалась видеосистема, по которой она могла проконтролировать в любой момент каждого. Я заметил также на персонале несколько видов форменной одежды. Грис объяснила:

– Это дисциплинирует работников и облегчает управление.

Ну, да, – подумал я, – тут не сбегаешь поболтать к приятелю с другого этажа. Цвет твоего комбеза сразу просигнализирует начальству, кто тут бездельник.

А если без шуток – всё было налажено, и работа кипела. Грис принимала донесения и отдавала приказы. Назначала и отменяла совещания и вызывала специалистов для консультаций. Всё это я слышал по громкой связи и наблюдал на большом экране, дожидаясь её в соседней комнате, вероятно, предназначенной для отдыха.

После утреннего «запуска» мне была обещана экскурсия непосредственно на территорию.

Меня, что и говорить, впечатлила жёсткость и деловая хватка «принцессы».

Я сам, как мне кажется, не способен так твёрдо и непоколебимо стоять на капитанском мостике, отдавая приказы и принимая всю ответственность на себя. В Питере администратором у меня всегда был Володя, которому я безраздельно доверяю. А в отелях мне уже пришлось один раз поменять управляющего, который меня хорошо обчистил – но речь сейчас не об этом.

Быстро отправив всех «решать вопросы», Грис зашла ко мне. И опять это была женственная и очаровательная, добрая и славная – моя самая-самая любимая!

– Мы летим на территорию через полчаса. Хочешь чего-нибудь? Может быть кофе или сок?

– Мне перед полётами обычно не хочется ни пить, ни есть. А сколько мы там пробудем?

– Часа 2—3. Это зависит от того, что мы там найдём.

Она набрала код, и на экране я увидел известную мне карту Европы, наложенную на другую. Эта вторая карта имела, прежде всего, другие очертания прибрежной полосы. Причём в некоторых местах эти две карты весьма значительно не совпадали.

– Мы работаем пока как раз на этих больших не совпадающих участках. Проводятся измерения высот, уточняется состав почвы, если нужно – устанавливаются датчики. Если в прошлом взрыв Супервулкана не состоится – в нашем настоящем может измениться всё! А для Европы это произойдёт наверняка. Состав почвы до сих пор хранит следы того взрыва 500-летней давности.

Изменения не коснутся, быстрее всего, наших основных массивов. Они расположены достаточно далеко от места взрыва. А Европу тогда накрыло им практически полностью. Вот отработанные участки, – Грис показала мне территории, примыкающие к Греции с двух сторон. Ни Аппенинского полуострова, ни Южной Греции, ни многочисленных греческих островов на второй карте не было.

– Сегодня мы полетим вот сюда! – Грис указала на точку вблизи пролива, отделяющего, когда-то Европу от Азии в районе Стамбула.

Пролива на второй карте не было. Зато океан Индийский океан начинался намного севернее, перекрывая большую часть Аравийского полуострова.

Я попросил её показать такую же карту дальше на юг. Она снова набрала код, и я увидел всю картину целиком. Если судить по этой карте – сильнее всего пострадали Европа и Южная Азия. У Африки сильно изменилось лишь восточное побережье, а западное почти сохранило очертания. Австралии и Антарктиды не было вообще, а вот обе Америки были целенькие! Правда, обе по отдельности.

Я указал ей на это и спросил:

– А Южная Америка? Почему она не была выбрана в качестве ковчега для всего человечества? Похоже, что она пострадала меньше всего. – И услышал:

– Её жители не приняли предложения Совета спасённых! Более того, созданная там оборонная линия уничтожала всех, кто пытался высадиться на континент. Но вскоре из-за вулканической пыли там тоже наступила ядерная зима. Климат на большей части территории стал очень холодным. Вся их система жизнеобеспечения рухнула! И, хотя они цеплялись до последнего за традиционные методы выживания, через 100 лет этот континент стал полностью безлюдным. Найденные историками дневники и документы приоткрыли тайну гибели этих отщепенцев, посчитавших невыгодным делиться своими ресурсами с погибающим человечеством. Если хочешь – я соберу тебе материалы об этом!

И мы полетели на территорию. Летели мы на 6-тиместном транхавере. Грис объяснила мне, что водит такой же иногда и сейчас – чтобы не терять навык.

– Но не сегодня! – заявила она.

Территория, на которую мы высадились, напомнила мне, как ни странно, окрестности Питера. Там тоже есть такие, заросшие кустарником болотистые участки. Воздух, кстати, там был почти такой же плотности, как на Земле Новой Эры. Думаю, что дом Мартина, попросту, расположен достаточно высоко над уровнем моря. Плотного и колючего ветра там тоже не было. Но, всё-таки что-то было не так, как в Новой Эре. Потом я сообразил, что не было птиц. И другая живность тоже отсутствовала.

Все высадившиеся вместе с нами сделали то, что было каждому предписано. Были взяты пробы грунта и воды, сделаны снимки, и даже сама Грис собрала образцы с кустов и травы пробы в виде чего-то, похожего на гербарий. Особенно она была рада, что застала цветущим один из кустарников. Было тихо, тепло. Грис сказала:

– Прекрасное место для зоны отдыха, например! Но завозить всё необходимое по воздуху будет слишком накладно.

Начали по одному возвращаться разведчики. Приняв доклад, что всё сделано, Грис отправляла работников на «полянку» – место рядом с транхавером на котором было установ-

лено три сдвоенных раскладных шезлонга. Мы с ней тоже заняли один из них. «Позагорав» часик, мы погрузились в нашу «тарелочку» и вернулись на базу.

Вскоре я вернулся в Новую Эру. Примерно через два месяца – звонок. Эни:

– Срочно прилетай с инспекцией в отель в Гималаях. Лучше, если ты будешь один! Тебя ждёт сюрприз.

Мартин тоже эксплуатирует этот отель, но в последнее десятилетие 20 века. И первое – 21-го. Дальше – отель мой, такая была договорённость. И если Эни её нарушила – есть какая-то важная причина! Я сделал всё возможное, чтобы вылететь в этот же день.

В отеле меня дожидалась Гриссель!

– Извини, но я так тосковала. Эни поспособствовала нашей встрече. Ты рад?

Разумеется! Ещё бы – 10 дней счастья с любимой на фоне великолепной природы тех мест. Перед тем, как им переместиться назад в Новейшую Эру у нас состоялся разговор втроём. Эни считала, что я должен признаться Аняте, что полюбил другую.

– Нельзя так жить – непрерывно врать и бояться разоблачения. В нашем, да и в вашем времени это в порядке вещей. Если вы дадите друг другу свободу, быть может, Аня встретит другого мужчину. И он будет любить только её!

Грис ни на чём не настаивала, просто попросила хотя бы изредка таких свиданий здесь – на моей территории, в моём времени.

– Теперь я буду ждать встречи у нас в Новейшей Эре. Через два с половиной месяца. Полгода – слишком долгий срок!

Я не стал вспоминать её клятву самой себе. И понимал – Эни права. Но не смог решиться и рассказать всё Аняте.

Я понимал – после такого признания я должен буду уехать из Питера.

А мои дети? А мои родители Лина и Павел? Даже мои отели заполнялись в основном туристами из Питера, благодаря деятельности Виктории. Так что тогда я решил оставить пока всё как есть. Теперь кроме встреч в Новейшей Эре, Гриссель перемещалась 2—3 раза в год в Гималаи.

Аняту я возил отдыхать в другой мой отель, который уже полностью функционировал – в Провансе, вблизи устья Роны. Это место уж очень полюбили дети. Мы отправлялись туда или поздней весной или совсем ранней осенью все вместе – я, Анята, Лина с Павлом и дети с няней. Мне это было совершенно не в тягость. Более того – я был счастлив, и не знаю – когда и с кем – больше. Тяготила только необходимость обманывать Аняту, но я гнал из головы эти грустные мысли.

В следующий заезд к нам присоединились и наши друзья-партнёры – Володя с Басей и близнецами, и Патрик с Олесей. К тому же рядом в Ницце теперь живёт Надежда. Так что в программе – обязательный визит к ней. Я параллельно отдыху занимаюсь новым отелем в Калабрии. Так что пока все – довольны, все – при деле и вероятность утечки информации теперь – минимальная.

И вот жирную точку в моих метаниях решил поставить Рудольф?

Чего же от меня потребует Король? Я терялся в догадках.

Успокаивала только ироническая манера Мартина, с которой он мне всё это сообщил. Я уверен, если бы мне грозила малейшая опасность – он отнёсся бы к этой проблеме совершенно иначе.

Пребывание в карантине кончалось, Грис меня так и не навестила. Ну, что же – вот-вот я сам всё узнаю! Не далее, как завтра!

Глава 4. Ультиматум Короля

Грис меня встретила, когда я только выходил из вестибюля. Небрежно махнула рукой сопровождавшему меня работнику СБ:

– Всё, спасибо. Свободен.

Он развернулся и нырнул назад в вестибюль. Ни раньше, ни позже, она обняла меня за шею и поцеловала. И мы пошли к их дому. Место было всё то же, и «замок», на первый взгляд, не изменился. Прошло больше семи лет, как я тут был на той самой памятной вечеринке, устроенной для нас Рудольфом. Вот он, поблёскивает в лучах восходящего солнца, знаменитый прозрачный купол! Грис меня известила, что изменилась площадь территории – прозрачный купол прибавил почти километр в диаметре. И внутренняя часть тоже недавно подверглась реконструкции.

Но тропинка, по которой мы шли к дому точно та же. И всё также её перебегают симпатичные серые зверьки с полосатой спинкой.

– Ты в отпуске? – спросил я Гриссель.

– Я уже не работаю в Экологической разведке. Отец считает, что я переросла эту должность. Служба Экологической реабилитации, которой я буду руководить, сейчас в стадии становления. Так что я в долгосрочном отпуске. – Проговорив всё это, она как-то застенчиво и виновато улыбнулась.

– Я думал, что ты меня встретишь, – не удержавшись, упрекнул её я.

– Разумеется, я тоже этого хотела, но отец возражал.

– Как он узнал?

– Да, всё он знал! «Моя профессия позволяет знать всё, что меня интересует. А то, что касается счастья и благополучия моей Грис – я просто обязан знать!» – Вот так он мне ответил, если цитировать дословно.

Он ждёт тебя! Не поехал сегодня на работу. Я уже неделю живу здесь безвылазно. И мы, конечно, много говорили на эту тему. Я старалась перевести все стрелки на себя. В результате услышала:

«Только не пытайся убедить меня, что он стал твоим любовником под угрозой кинжала, яда или дезинтегратора».

Мы зашли в комнату Грис – оставив свой рюкзачок, я умылся, чтобы остудить, горевшие щёки. Тем временем, Грис нажала что-то на пульте и сообщила: «Папа, мы идём к тебе!».

Домашний кабинет Председателя Совета располагался в другом крыле «замка», так что мне было дано ещё несколько минут отсрочки пред «экзекуцией».

Дверь перед нами отъехала, как в бункере. Из-за стола поднялся маленький седой человек:

– Спасибо, Грис. Оставь нас одних.

Грис вышла, дверь бункера закрылась.

Он отверг все мои попытки поздороваться и, поначалу, даже не предложил мне сесть. Я стоял столбом посреди его огромного кабинета, а он в гневе бегал вокруг меня, изливая всё, что накопилось.

– Ты, что думал, что можно всю жизнь позволять себя любить моей дочери, выделив ей лишь маленький уголок в своей жизни? – это была самая мягкая его сентенция. Остальные, а он хорошо подготовился к нашей встрече, – приводить не буду. Я молчал. Щёки мои опять пылали.

– Я долго ждал, пока ваши отношения сами себя исчерпают, – сказал он в заключение. – Но я понял, что мне самому придётся этому поспособствовать! Сначала вы будете жить пол-

года вместе здесь, под моим личным надзором. А потом – на год расстанетесь. За этим я тоже прослежу лично!

Через полгода, а вы будете соблюдать режим и всё такое, оба сдадите биоматериал на мою внучку. И ты, Андрей, сможешь улететь в Новую Эру.

Я думаю, Мартин легко выставит такое время прибытия, что твоя жена даже не заметит, сколько реально ты отсутствовал!

Выпалив всё это, Рудольф, похоже, немного успокоился. Он указал мне на круглое чернильно-синее кресло, и сел сам в такое же. Лицо его тоже побагровело, а дыхание стало прерывистым.

Сам кабинет был обставлен чисто в современном духе. Вместо столов – различные поверхности нескольких оттенков серого – от стального до серебристого. Два навороченных портала связи поблёскивали огоньками и стрелками. Довершали обстановку круглые обширные темно-синие кресла и диван такого цвета в углу на возвышении. Я разглядывал всё это и думал.

– Что молчишь? – поинтересовался, наконец, Рудольф.

– А что я могу сказать? Решение, так я понял, уже принято.

– Нет, почему же. Ещё можно рассмотреть такой вариант:

Ты немедленно покидаешь наше время и больше сюда ни ногой! А я уж сам прослежу, чтобы Грис не перемещалась в прошлое. У неё и здесь дел достаточно!

Я попросил у него тайм-аут на два часа.

– Я должен обсудить с Гриссель оба ваших предложения.

– Что ж, обсудите, – смягчился он. Нажав что-то на пульте, он открыл дверь бункера. В проёме стояла Грис.

И мы вышли вместе в парк. Грис привела меня в маленькую беседку, позволявшую любоваться прудиком, заросшим какими-то водными растениями, обильно цветущими жёлтыми звёздочками.

– Как я понял, ты знаешь про оба варианта? – нарушил я молчание.

Она посмотрела на меня удивлённо и ...горько разрыдалась.

– Да, он прав, ты меня не любишь! Ты только позволяешь себя любить, – упрекала она меня, заливаясь слезами. Я, посадив её на колени, поцелуями пытался осушить этот солёный водопад.

Разумеется, я уверил, что спросил это так, на всякий случай. В глубине души надеясь, что и она меня всё ещё любит.

И всё это опять была истинная правда именно в ту минуту! Конечно, я остаюсь здесь на полгода, если этого хочет Рудольф. И зря он надеется, что наши чувства остынут от этого принуждённого тесного общения.

Водопад – иссяк, моя принцесса уже неуверенно улыбалась, поправляя волосы перед зеркальной облицовкой задней стенки беседки. Через полчаса мы побрели назад в «замок».

Мы зашли к Рудольфу вдвоём, и я подтвердил, что остаюсь и принимаю его условия. У него, похоже, сразу камень упал с души.

Теперь он улыбался и шутил, то есть вел себя так, как обычно до этого утра.

– Надеюсь, что ты, Андрей, будешь с добрыми чувствами вспоминать эти полгода, которые проведёшь у меня в гостях. А, чтобы здоровый образ жизни не показался тебе слишком пресным, я буду диктовать тебе мемуары.

Я думаю, что ты сделаешь из них фантастически интересный материал для читателей Новой Эры. Здесь в нашем времени они тоже увидят свет, но только после моей смерти.

Я подтвердил, что принимаю и это его предложение, и даже поблагодарил за оказанное доверие. И это тоже была истинная правда!

Глава 5. Золотая клетка

Поселился я в комнате Грис. Места там хватало с избытком для двоих. Через пару дней я даже так расслабился, что сделал небольшой бардак из одежды и разных других мелочей, как у себя дома. Грис это умилило и позабавило. Сама она, как автомат – всё сразу убирает на место. Жить с ней не только под одной крышей, но и в одной комнате мне было не впервой. Примерно также всё происходило в доме Мартина при тех далёких наших первых встречах. Сейчас всё было не совсем так. Хуже или лучше? Просто по-другому. Страсть действительно подугасла, но любовь наша, перейдя в другую тональность, по-прежнему делала нас счастливыми.

У меня, правда, временами откуда-то всплывали мысли, что я почти как глупая канарейка, запертая в золотую клетку, распеваю серенады и даже согласен размножаться.

А что надо было из принципа впасть в депрессию и угаснуть в неволе? Как говорится в каком-то пошлом анекдоте – расслабьтесь и получите удовольствие!

«Золотая клетка» была действительно выше всяких похвал. Обстановка «замка», видимо, по вкусу хозяина, лишена показного пафоса и роскоши. Но если тут начинаешь жить, радовала комфортом и какой-то эстетической целесообразностью. А территория – просто райское место размером в несколько гектаров. Я, конечно, размеров прикинуть никак не мог, но мы не только передвигались пешком, но и пользовались домашним летательным средством. Это было что-то вроде двухместного воздушного скутера. Сначала мы летали на нём каждый день только купаться на побережье, а потом исследовали и разные другие уголки этого леса-сада, искусственно созданного для президента Земли примерно 3000-го года.

На севере громоздились живописные серые скалы, с которых стекали прозрачные ручейки-водопады. Растительность у их подножия цвела непрерывно. Менялись лишь преобладающие цвета – белый на багрово-красный, а лимонно-жёлтый на нежно-лиловый. Ландшафт постепенно понижался, спускаясь к «замку», где территория принимала более окультуренный вид.

По одну его сторону росли сосны всевозможных видов. От маленьких как бы «японских» бансаев до высоченных, с красноватыми голыми стволами, – корабельных, как называют их в наших местах. Присутствовали также пинии – итальянский вариант со срезанной параллельно земле кроной. Были и другие варианты, совершенно мне не знакомые – с длинными, чуть ли не до полуметра иглками ярко бирюзового цвета. Всё это обалденно пахло, роняло шишки и иглки, и было заселено маленькими, юркими, почти чёрными белочками.

С другой стороны – было царство цитрусовых. Отдельно стоящие на травяном газоне деревья одновременно и цвели пахучими белыми цветами, и были увешаны разнокалиберными плодами, всех земных видов – лимоны, апельсины, мандарины и даже грейпфруты я обнаружил. Кроме них были и другие, то ли просто мне неизвестные, то ли выведенные специально в этом времени.

– Это любимое место Хильды! – сообщила мне Грис.

Мать Грис показалась мне доброй, приветливой и очень тактичной женщиной. Она обладала потрясающей способностью подстроиться под любого собеседника и говорила каждому только то, что он желал услышать.

Этому прямо стоило у неё поучиться! Но с ней мы встречались даже не каждый день.

– Мама – врач-психотерапевт. Она снова стала практиковать после того, как я начала учиться в Школе. И пока не собирается бросать свою работу. По плану отца это произойдёт, когда в этом доме поселится наша маленькая дочь и их внучка. У неё от природы доброе сердце и мягкий характер. Мне кажется, что я больше похожа на маму и лицом и нравом. А ты как считаешь?

Я считал также. От Рудольфа Грис унаследовала только яркие серые глаза с чёрными пушистыми ресницами. Выросла она выше и отца, и матери. Золотистые выющиеся волосы и нежный голосок – точно, как у Хильды.

А вот характер... трудно сказать. Со мной она была пока именно такой – «белой и пушистой». Но я-то помнил, как она железной рукой управляла своей Службой Разведки. От этой барышни можно ожидать любых сюрпризов!

А пока мы с ней были безраздельно счастливы в этом филиале земного рая, пусть и созданного человеческими руками. Кстати, именно руководить созданием искусственных ландшафтов и предстояло моей принцессе.

Грис готовилась к своей новой должности. Она занималась каждый день рано утром, когда я ещё спал. Её лучшее время – раннее утро. Как она мне призналась:

– И вдохновение появляется, и голова лучше работает!

К сожалению, в этом мы с ней не совпадаем. Я безнадёжная, ярко выраженная сова, как моя мамочка Эни. Так что рано утром она работала где-то в комнате рядом. А потом в этой же комнате стал работать и я, если не мог заснуть поздно вечером.

Нас регулярно обследовали медики. Они приносили с собой нужные пробники и брали у нас обоих анализы примерно раз в неделю. По результатам нам разрабатывался индивидуальный состав пищи. Так что на завтрак, обед и ужин мы получали по тарелке разноцветных «шариков», как в клинике Морисона. Только теперь мне не у кого было попросить какие-нибудь приправы к этой, достаточно пресной и безвкусной пище. Грис совершенно не проявляла недовольства. И я тоже терпел, понимая, что это делается для нашего будущего ребёнка. Через месяц и я привык – еда мне казалась даже вкусной. Тем более, что режим двигательной активности на свежем воздухе здесь тоже регулировался какой-то загадочной автоматикой. Сидеть за компьютером нам позволялось не больше 2—3 часов. Если я пытался «добрать ещё» поздно вечером, он принимался пищать или «зависал», совсем как в моём времени. В любой момент можно было «оседлать» летающий скутер и оказаться на берегу океана. Песок чёрный из маленьких-маленьких камушков, обкатанных волнами. Вода тёплая, волны ласковые. Иногда мы катались на катере, которым умела управлять Грис, любуясь с воды на «замок» и скалы на горизонте. И вдоль, и поперёк – сплошная «дольче вита»!

Всего один раз за эти полгода меня навестила Эни. Она приехала вместе с Софией во время её каникул. Софи уже 12 лет, и она живёт теперь постоянно в Школе – той же, что и окончила Грис. Она, как мне кажется, похожа на бабушку Эни. Или на свою мать Анюту? Они обе у меня смуглые, хрупкие и темноволосые. А поскольку она большую часть детства провела с Эни, то и скопировала некоторые её повадки. От меня у обоих моих дочек только форма подбородка и рисунок линии губ. Я думаю, что они обе будут очень хорошенькие – лет через пять.

Софи, оказывается, помнит, как мы были здесь 7 лет назад. Она ещё тогда пыталась гоняться за бурундучками, но ей этого не позволили. Теперь она почти взрослая, но ей также интересна природа, а особенно – живность всякая. Так что всю неделю я, Эни и Грис «пасли» на территории эту неутомимую юную натуралистку. Грис быстро нашла ключик к её сердцу – у неё же были почти те же учителя, и это было не так уж давно. Так что разговоры о Школе, любимых предметах были интересны обоим.

Мы с Эни обсуждали своё. Она, кстати, не видела ничего плохого в решении Рудольфа. А когда узнала, что он диктует мне мемуары – очень заинтересовалась. Я ей сообщил, что мне разрешено сделать из них книгу и опубликовать в Новой Эре. А вот в Новейшей – пока нет.

– Ну, что же, значит, это будет не «парадный», а приближенный к действительности текст. Я сама поговорю с Рудольфом. Я должна это, хотя бы, прочитать. А, может быть, он позволит мне даже подключиться к работе, хотя бы в той части его биографии, когда мы жили вместе 10 лет?

Забегая вперёд, сообщу, что так и случилось. И свою книгу про Рудольфа я начну с конца. Сам главный герой надиктовал мне текст до дня выборов в Совет, на которых он одержал тогда победу. А я начну с конца – Мартин и Эни обрисовали мне общую картину того, что случилось в последние 9 лет.

Глава 6. Виват, король, виват!

Итак, как и обещал, начну почти с конца. Вся эта глава написана со слов Мартина. А его мнение для меня в этом вопросе – истина в последней инстанции.

Итак, Рудольфу исполнилось 70, когда он, вопреки всем прогнозам, победил на выборах и стал членом Совета. Остальные его члены на тот момент были существенно старше. Самому молодому из них было 92. Почему же старцы избрали такого «мальчишку»?

Так, вот, Рудольф оказался именно той равновесной фигурой, против которой никто ничего не имел. Совет в это время имел тенденцию к распаду на две группировки, которые с переменным успехом боролись за влияние на своего главу. Председателю, «пред светлые очи» которого предстал когда-то Мартин, было уже 117 лет. Решающий голос при утверждении любых спорных вопросов по-прежнему делал ему авторитет и влияние. Но... «бразды правления», как ни крути, рано или поздно ускользают из рук патриархов.

Так вот, именно Рудольф нашёл ключик к сердцу могущественного правителя, и через год стал в Совете самым влиятельным его членом. Обеспечив себе голос председателя, он толкал теперь свои идеи. А, попутно, используя свой огромный опыт работы в Службе Безопасности, быстро разобрался с группировками. Теперь Совет единым фронтом поддерживал все начинания самого Рудольфа.

Председатель даже порывался подать в отставку, но Рудольф уговорил его не делать этого. Для него сложившееся положение вещей было даже лучше.

«Серым» кардиналам, особенно не слишком тщеславным, всегда легче принимать решения.

А предстояло ему провести реформу Службы Безопасности, в которой он проработал почти 30 лет. Эта реформа давно назрела. Перезрела – что там говорить! Фактически бесконтрольная и никем не управляемая СБ погрязла в злоупотреблениях властью и превратилась не в оберегающий, а быстрее карательный орган, который частенько действовал попросту в собственных интересах. Связываться с ними никто не хотел, и все члены Совета, занимавшиеся до Рудольфа этой проблемой, благополучно спускали её на тормозах. А он не побоялся!

Для начала была проведена реорганизация отдела собственной безопасности. Раньше эта служба занималась лишь нерадивыми работниками СБ, когда получала неоднократные сигналы о злоупотреблениях. Теперь каждый землянин, задержанный СБ, мог обратиться с эту службу и получить помощь, если считал, что нарушены его права. А признанный «виновным» – обжаловать это решение. Эту службу с его подачи возглавил Иосиф, молодой и честлюбивый соратник Рудольфа, которого он приметил давно, и теперь, опираясь на его поддержку, Рудольф мог действовать дальше.

Первым было снято «вето» СБ на коммерческую реализацию чипов последнего поколения, которой уже не один десяток лет добивались фирмы, успешно работающие в этом направлении. Таким образом, СБ теряло право на заведомое интеллектуальное превосходство.

Второй важный шаг – Рудольф фактически «отлучил» СБ от контроля за перемещениями во времени. По его поручению была создана отдельная служба из бывших «путников». Теперь только по представлению этой службы «путник» мог попасть в лапы СБ. А руководителем этой службы, как вы уже догадались, Рудольф сделал своего друга Мартина.

Как ни странно, особого противодействия Рудольф не встретил. То ли он просто очень грамотно рассчитал очередность этих действий, то ли в СБ сами ждали реформы и понимали их необходимость. А самого «дорогого» Рудольф не тронул – привилегии и пенсии верным слугакам остались в неприкосновенности.

Теперь, умирив и обезглавив «монстра», Рудольф принялся за воплощение своей идеи —фикс – переместившись в прошлое предотвратить взрывы Супервулканов.

– Эта идея могла прийти в его буйную голову именно потому, что Рудольф никогда не учился на Курсах Проводников. Преподаватели теории времени первым делом вбивают в головы курсантов такой запрет: недопустимо влиять на прошлое даже в лучшую сторону! Потому что последствия могут быть любые! – Мартин усмехнулся и продолжил:

– Хотя мы с тобой и были первыми, решившимися на «запретные» действия в прошлом. Вытащили Анюту за пять минут до того, как её сбила машина. И ты это придумал и настоял, потому, что тоже не учился никогда ни на каких Курсах.

– А ты? Как же ты Мартин?

– А я очень хотел тебе помочь, но, если честно, не верил в благополучный исход. Время показало – можно! Можно это делать! С Анютой же всё хорошо? Правда, её клон лежит в земле, а клон вашей дочери живёт в другом времени. Но обе живы, здоровы и в полном порядке. Потом была эпопея с Верой. И здесь – всё удалось!

– Да, Мартин, это было рискованно, но всё получилось. Я на всю жизнь тебе обязан, что ты решился на это!

– А ты уверен, что это не Судьба расчищала тебе путь к Гриссель, когда бросила Анюту под колёса?

– Мартин, о чём ты говоришь? Что за ужасные предположения?

– Ладно. Я понял, что твоя семья, там, в 21-м веке, для тебя самое главное. Значит, мы всё сделали правильно!

Итак, идея о предотвращении взрывов этих монстров была обнародована в первый раз на одном из Советов. «Старцы» к тому времени были настолько ручные, что проглотили её, как утреннюю овсянку – надо, так надо! Единогласно!

До Рудольфа все важные решения сразу засекречивались – этим занималась специальная служба. Они постепенно, маленькими порциями доводили до исполнителей необходимые сведения. Общественность узнавала обо всём только задним числом – по результату. Рудольф наплевал на «секретчиков»!

Почти сразу через всемирную Сеть сведения о Супервулканах были доведены до широкой аудитории пользователей. А это, сам понимаешь, в наших условиях подавляющее большинство населения.

Дальше – больше. Теперь через различные Форумы смаковались подробности этих взрывов, а участникам предлагалось присылать свои предположения – что, собственно, изменится, если этого не произойдёт? Сеть просто не выдерживала активности пользователей! Проблема обсуждалась также во всех клубах и даже на рабочих местах. Пути назад уже не было.

И вот, таким образом подготовив общественное мнение, Рудольф собрал специалистов. Как раз была создана уния «путников» – я этим занимался!

Это мы пригласили к себе всех учёных мужей, занимающихся теорией времени и Рудольф сразу перед всеми и выступил! Дискуссия продлилась несколько дней. Её содержание выкладывалось сразу в Сеть, и за исход теперь переживала куча народу. Голосование утвердило эту идею. Результат был – примерно 80% – «за», 20% – «против». Я сразу ввёл в регламент, что «воздержаться» будет невозможно! Слишком это важный вопрос для всех жителей Земли!

У противников был, собственно, всего один аргумент – а вдруг изменения затронут наши реалии?

Катаклизм на Луне всё равно произойдёт, но в результате выживет гораздо больше населения. А если им не удастся договориться, так как это сделали наши предки в далёком 24... - ом и начнётся передел территорий, пригодных для жизни? А вдруг разразится термоядерная катастрофа?

Глаза Мартина сверкали, он даже вскочил с места и теперь мерил шагами свободное пространство своего кабинета.

– Оптимисты победили! Была разработана стратегия, которая предполагала даже сохранение нашего инкогнито. Первым предлагалось «обезвредить» европейского «монстра» в Неполитанском Заливе. Время было выбрано такое, чтобы работы в Йеллоустоунском заповеднике были почти завершены.

Теперь мы могли притвориться частной фирмой, заинтересованной в римских артефактах... Ты уже знаешь подробности – сам принимал участие.

С тех пор, как заработала скважина, прошло больше пяти лет. Процесс почти завершён. Давление магмы упало до среднего по планете. Теперь, согласно стратегическому плану действий, несколько лет мы будем наблюдать за изменениями в составе атмосферы, почвы, изменениями климата. Они обязательно произойдут и будут в лучшую сторону!

– А количество населения на планете? – вставил я свой вопрос.

– Я считаю, что оно вряд ли изменится! Пусть даже нас было намного больше. Но – воспроизводство населения контролируется почти 500 лет. Продолжительность жизни после периода катастроф была лет 60—70. Я уверен – выжившие европейцы присоединятся к цивилизации спасённых и глобальных изменений не произойдёт.

– А если выживут какие-то группы населения на поверхности? Приспособились же северные народности к жизни в тундре на побережье Ледовитого океана?

– Я с удовольствием познакомлюсь с этими людьми и протяну им руку помощи от всей души! Я думаю, что и у них можно будет многому поучиться!

– Да, это же просто эпохальная идея! – оценил я.

После паузы я заговорил первым.

– Ты знаешь, Мартин, даже записав его мемуары, я считал, что Рудольф оказался на этом посту... не совсем правильно. Считал, что по масштабу – например, твоя личность значительно больше, чем ты.

Мартин обнял меня за плечи, рассмеялся и ответил:

– А теперь ты кое-что понял. Так? Мне лестно то, что ты сказал, но Рудольф, который попал на этот пост вопреки законом логики – это колоссальная удача для нашей цивилизации.

Всё тихо катилось по проложенным рельсам без потрясений, но и без особенных успехов. Каждый из нас был только винтиком – побольше или поменьше, но только крепёжным элементом Системы. А сейчас у нас у всех общее дело, мы ждём каких-то скачкообразных изменений, которые произойдут ещё при жизни нашего поколения.

А возможность поставить нормальный чип и увеличить производительность умственной работы?

А наконец-то побеждённый страх, который не позволял «сделать шаг в сторону»?

Может быть, всё это было и нужно во времена лишений, но страх уж точно не лучшее оружие для цивилизованных личностей. От него, как показывает опыт, просыпаются первобытные инстинкты, а личность забивается в норку и цепенеет. Ты со мной, надеюсь, согласен?

Часть вторая. Рудольф. Записано со слов главного героя

Глава 1. Розовое детство

Я помню себя до двух лет! Психологи, работающие с детьми, утверждают, что это невозможно. Я специально проверил – они не правы, редко, но бывает! Я записал своё первое воспоминание – большая комната с розовыми стенами и потолком и женщины с красивыми добрыми лицами. Мне улыбаются, тормозят, берут на руки. И их слова, адресованные то ли мне, то ли друг другу:

– Какой хорошенький!

Свои первые впечатления я смог проверить, когда уже работал в Службе Безопасности постоянно. Я с энтузиазмом взялся курировать детский вопрос – просто потому, что меня всегда это интересовало. Перед визитом в Бейбилон – доскональное обследование врачей по всем только им известным параметрам. А перед входом у них строгий санпропускник – душ, переодевание и даже обработка ультрафиолетом.

Ты уже, наверное, заметил – у нас много таких мест, где «чужим» микробам и вирусам вход закрыт. Это решают медики. Им виднее.

Зато я осмотрел весь цикл.

С рождения и до полугода младенцы проводят время в прозрачных боксах. Кормление и очистка производится автоматически. Умные приборы слежения приводят в действие нужную программу. Все сведения о каждом малыше можно посмотреть на пульте, возле которого дежурят два доктора. Потом мне объяснили, что на эту работу много лет берут только молодых мужчин, соответствующей квалификации. Они справляются лучше всего.

А вот с 6-ти месяцев уход и воспитание проводится в «ручном» режиме. В просторных розовых комнатах младенцы живут до двух лет. В каждой комнате – двое детей. За ними ухаживают четыре няни, меняясь по сменам.

Выходит, если я вспомнил розовые стены – мне не было даже двух лет! В этих розовых комнатах будущая смена учится стоять, а потом – ходить и говорить. Так что эти нянечки стоят, можно сказать, у самых истоков личности. На работу туда отбирают очень тщательно – шансы быть принятыми имеют только молодые женщины приятной внешности с медицинским образованием. Кроме того, что эта работа почётна, она очень хорошо оплачивается. Живут эти феи на поверхности. Но... есть некоторые ограничения – они не имеют права употреблять алкоголь и пряности, а за их здоровьем контроль ежедневный – перед каждой сменой. Конечно, туда отбирают только экстравертов – эмоциональных и открытых, способных полюбить детей.

Мне показали компьютерный тест на профпригодность. Так вот, его успешно проходит лишь треть конкурсанток. Разумеется, за их работой ведётся 100% видеоконтроль. А при малейших отклонениях в развитии за дело берутся детские врачи. Физический контакт и проявление эмоций не только не возбраняется, но и приветствуется.

Я разыскал одну из своих фей. Она в то время была уже в достаточно преклонном возрасте, но вспомнила меня, хотя показанное ей фото было сделано немного позже. – Так у них там положено первое фото – в три года.

– Вы были такой хорошенький и умненький! Все соседки из других комнат приходили на вас посмотреть и подержать на руках. Кроме того, вы развивались чётко в соответствии с программой. Никаких проблем! Я получала за вас только похвалы и поощрения.

Она немного помолчала и, застенчиво улыбнувшись, добавила:

– Вы были самый маленький из детей. Такого у меня больше не было ни «до» ни «после».

Вот оно и прозвучало это слово! Как уж наши «конструктора» умудрились сделать из меня коротышку – сие никому не ведомо! Доноры отбраковываются и по этому признаку. Всё остальное получилось отлично. Но вот рост!

В раннем детстве – это было полбеды. Хорошенькое личико, звонкий голос и детская непосредственность делали из меня ребёнка, которого всем хотелось погладить по головке, потискать, взять на руки. Так что лаской, видимо, я не был обделён в нежном возрасте. Кроме того, ещё до школы оказалось, что я – «артист». Я легко понимал, чего именно от меня хотят, и играл все подходящие главные роли – зайчиков, петушков, а чуть позже – Вини Пуха и даже Карлсона.

В нежном возрасте деток опекают очень плотно. Даже времени не остаётся, чтобы о чём-то задуматься. Любая детская конкуренция за игрушки или внимание воспитателей пресекается в корне. Детки – конфетки получают все и всё. Вот такая старояпонская доктрина! Она звучит примерно так – до пяти лет ты король, а после пяти – слуга. У наших детей королевские привилегии до семи, а после – появляются некоторые обязанности. Уроки вводятся постепенно, Количество их растёт в течение двух лет.

Полноценные 6-ти часовые школьные занятия начинаются в 10 лет. Эти уроки кроме знаний об окружающем мире и сведений об истории цивилизации, дают знания и навыки, которые понадобятся для самостоятельной жизни. Учиться мне нравилось, тем более что преподаватели по всем предметам меня хвалили.

Обычно, к 10-ти годам все дети умеют бегло читать, писать и рисовать вручную, обращаться с компьютером и выполняют свой первый норматив по физической подготовке.

Вот с этим-то нормативом и начались у меня первые в жизни огорчения.

На физподготовке дети стоят в линейку по росту. Я стоял последним. И до меня иногда просто не доходила очередь потренироваться выполнять то, или иное упражнение. Теперь «звёздами» были самые высокие и ловкие мальчики. Я прекрасно понимал, что от меня хочет преподаватель, но... у меня не получилось, так как у других детей. Я привык, что всё получается сразу, если внимательно выслушать и запомнить алгоритм действий. А тут – нет и всё! Это новое ощущение собственного бессилия однажды извергло из меня истерику и горькие слёзы. Отстранив меня от урока, вызвали психотерапевта.

Пришла красивая взрослая женщина и увела меня в специальную комнату. Там журчала вода в фонтанчике, занимавшем одну из стен, был какой-то особенный свет, и даже тихо играла музыка.

Она проговорила со мной долго-долго. Слёзы мои давно высохли. Я сначала односложно отвечал на её вопросы, а потом выложил с подробностями всю подноготную. Поощряя на откровенность, она со всем соглашалась и непрерывно меня хвалила. Когда я иссяк, она поцеловала меня и сказала, что все проблемы уладятся и всё у меня будет хорошо!

Так и случилось. Преподаватель физической подготовки теперь занимался со мной индивидуально. Он учил меня мышечной памяти и тактике приложения усилий. Хвалил за отличную координацию движений и «волю» к победе. Разумеется, после нескольких таких занятий норматив был выполнен. Я получил огромное удовольствие от этой победы. Это тоже было для меня новым ощущением – победа через преодоление оказалась такой сладкой!

И мне очень хотелось снова увидеть ту женщину и рассказать ей о своих успехах. Но я тогда постеснялся сказать об этом воспитателям.

Итак, в 10 лет я выбрал спортивную гимнастику, как основной вид спорта. В эту спортивную секцию записалось всего трое мальчишек. Остальные – девочки.

Большинство мальчиков привлекали другие виды спорта – единоборства, футбол, лёгкая и тяжёлая атлетика. Я уже сообразил, что мои физические кондиции не позволят мне добиться в тех видах спорта высоких результатов.

А гимнастика – как раз подходила. Она развивала и совершенствовала мои природные преимущества – смелость, гибкость и отличную координацию движений. К тому же я научился ладить с девочками, что очень пригодилось мне во взрослой жизни.

В нашем потоке одновозрастных детей было 92 питомца. Потом, проверяя Бейбилон, я узнал и другую, шокировавшую меня новость – нас родилось 100, а 8 – были «отбракованы». «Усыпляют» младенцев, правда, в основном на первой стадии до 6-ти месяцев. Но есть случаи, когда это происходит и на второй и даже на третьей стадии. И я мог быть «отбракован» из-за маленького роста, если бы развивался не так успешно. И только моя активность и сообразительность не позволили свершиться этому злодеянию.

Итак, мы были разбиты на «классы» по 15—16 человек. В каждом училось примерно поровну мальчиков и девочек. Но некоторые занятия проводились и сразу для всего потока. Мы встречались также на праздниках и спортивных мероприятиях. Разумеется, не все друг друга знали по имени в масштабах потока. Но появились некоторые «популярные» личности, которых знали все.

Получилось, что и я попал в их число. В нашей секции занимались девочки из всех классов, а там я был лучшим из мальчишек. Так что на всех общих сборищах меня окружало несколько девчонок, с которыми я и общался весело и непринуждённо. Зависть по этому поводу, видимо, не давала покоя некоторым высоким и сильным моим соученикам.

Однажды на поляне, где мы собрались всем потоком по поводу съёмки выступления нашего хора, ко мне подошёл мой одноклассник и позвал отойти – меня де ждут. Заинтригованный, я доверчиво пошёл за ним. Он привёл меня в пустую беседку, где четверо мальчишек устроили мне «тёмную».

То есть меня накрыли большим куском ткани и били руками и ногами. Под градом ударов, я быстро потерял сознание. Когда пришёл в себя, и доковылял до поляны – там никого не было. Я бросился к выходу-шлюзу, из которого, мы и попадали на поверхность. Из здания Бейбилона именно в это место нас привозил подземный эскалатор. Вход в этот шлюз был перекрыт металлической раздвижной дверью. Быстро темнело, стало очень холодно. Голова у меня кружилась, а места побоев сильно болели. От страха, боли и обиды я начал рыдать и биться о входную дверь шлюза. Но быстро ослабел и снова потерял сознание.

Очнулся я в больнице. Оказывается, меня хватились только за ужином. Тут же была поднята по тревоге группа Службы Безопасности, которая сразу же меня и нашла рядом с выходом.

Я пролежал в госпитале недели две. Опять со мной работала та женщина-психолог. Мы даже познакомились. Её звали Эльза. Первые дни она просто сидела часами рядом с кроватью и гладила мою руку. Даже кормила меня с ложечки, хотя я и сам прекрасно мог бы принимать пищу.

Потом, когда у меня прекратились тошнота и головокружение, она вела со мной долгие разговоры. О том, что жизнь иногда испытывает нас, но, закалившись, мы становимся только сильнее и успешнее. Я потом узнал – это называется психологическая реабилитация. Я был почти счастлив, проведя эти несколько дней в тесном общении с ней.

Никто меня не допрашивал, чтобы узнать имена моих обидчиков. Сами разобрались. Одноклассника, заманившего меня в беседку, перевели в класс, занимавшийся в другом здании. А класс, в котором учились трое остальных участников «казни» вообще расформировали. Так что у нас появилось трое новеньких – Мартин, Филипп и Софья. Её я и раньше знал по гимнастической секции.

Оба новичка сразу пошли со мной на сближение. Разумеется, они не участвовали в моём избииении. Кто были те трое – я так и не узнал. Хотя мог бы, работая в СБ, поднять архивы. Но не стал этого делать, поскольку это прискорбное происшествие, как это ни парадоксально, изменило мою жизнь в лучшую сторону.

Теперь всё свободное время мы проводили втроём, обсуждая наши первые жизненные планы. Нам было тогда по 14 лет.

Глава 2. Юность. Наша троица

Мартин и Филипп были уже тогда высокие и красивые мальчики и оба занимались в секции единоборств. То есть природа наградила их с избытком тем, чем обделила меня. Но я не злился, и не завидовал. Я знал уже вкус победы, достигнутой не благодаря, а вопреки.

К тому же друзья сразу мне сказали, что теперь я в безопасности, поскольку поступаю под их защиту и покровительство. Меня это устраивало. Теперь я говорил всё, что думаю своим обидчикам, иногда напоминая им, что я маленький, «как девчонка». Мои отповеди даже имели успех – класс разражался общим хохотом. Это меня ещё больше вдохновило. Теперь я «высказывался» при каждом удобном случае и получал в награду смех и даже аплодисменты. Друзья, при каждом таком случае, по очереди жали мне руку, и я прекрасно себя чувствовал в этот момент.

Это были годы, когда мы все запойно читали разные интересные книги. И строили планы на будущее. Как, всё-таки, важно, когда можешь быть с кем-то откровенным, когда знаешь – тебя любят, и поэтому – не предадут и не обсмеют. Мартин и Фил, мои дорогие друзья, есть и ваша заслуга в том, что моя жизнь сложилась так, а не иначе. По-настоящему начинаешь это ценить, правда, уже на склоне лет. И как я рад тому, что мы до сих пор вместе!

Была ещё Эльза – добрая фея моего детства. Увы! Её уже нет с нами. Ежедневно вываливаемые на голову даже детские проблемы явно не способствуют долголетию.

Вот и Хильда всё никак не может оставить примерно такую же работу, но, мы с ней договорились – это будет продолжаться только до того момента, как у нас поселится внученька. А я уйду в отставку, когда ей исполнится три года.

Итак, кроме уроков и спорта мы все трое читали разные книги и обсуждали прочитанное. И спорили, если наши мнения не совпадали. Как раз тогда из книг я понял, что большинство великих полководцев и правителей древности были маленького роста. То есть – меньше среднего в ту эпоху. И Александр Македонский, и Наполеон, прославившие себя и военными победами, и государственными делами, не отличались ни статью, ни физической силой.

Их любило множество женщин, им рукоплескала толпа и сопутствовала удача. Я не то, что нацеливался на аналогичную карьеру, но отрубал сам себе пути к отступлению-оправданию типа – «но я же маленький!».

Я бросался с головой в разные факультативные курсы, чтобы понять к чему лежит моя душа. Нам объясняли учителя и это святая правда – человек сможет наилучшим образом реализовать себя, только если работа доставляет ему радость и удовольствие. В конце концов, я выбрал два факультатива – русской литературы и тренерский. В русскую культуру мы вгрызались вместе с Мартином. Он мечтал о перемещениях во времени в прошлое – его превосходные физические данные позволяли ему это. Кроме разноплановой физической подготовки он изучал культуру и древние языки. Это он выбрал Францию и Россию, а я, вслед за ним, попробовал почитать и те, и другие стихи в переводе. И выбрал русскую поэзию. Наверное, предки мои – оттуда, поэтому их культура так на меня подействовала. Через год я выучил язык, который у нас считается одним из самых трудных. Теперь я мог читать всё в подлинниках, а историю русской культуры я разделил на «царства» по аналогии с фараонами Египта. Личные вкусы правителей, зачастую, значили в те времена больше, чем другие факторы. Часто ими и определялось направление развития культуры. Я изучал биографии русских царей, находя всё новые подтверждения этому, мной придуманному постулату, и мы обсуждали их с Мартином.

А с Филом мы ходили тренировать юных гимнасток. Он никогда не занимался этим видом спорта, хотя данные у него великолепные. Просто у нас гимнастика считается больше для девчонок. Я же к тому времени получил высший разряд, и Фил со мной в паре, тоже смог вести начинающих. С нами всегда работал и взрослый профессиональный тренер. Втроём мы

индивидуально занимались с каждым, то есть с каждой – девчонок там просто подавляющее большинство. – Его глаза заблестели:

– О, эти юные души и неокрепшие тела! И возможность лепить из них совершенные образы. Меня до сих пор прельщает такая работа, если это можно назвать работой.

Незаметно подошло время выпуска. Каждый из нашей троицы получил по две золотые медали – они у нас полагаются за «особенные успехи» в определённой области. Мартин получил за литературу и историю, Филипп – по музыке и физиологии, а я? Ты удивишься, но я проявил особенное рвение и достиг выдающихся результатов в физической подготовке и общественном образовании. – Сделав паузу, и наладившись моей реакцией, Рудольф продолжал:

– Ну, первое – понятно, всё-таки я был тогда чемпионом юношеских игр по гимнастике. А вот с общественным образованием – сложнее. Когда я изложил свою теорию «царств» как локомотив, для развития русской культуры в первый раз – меня не понял и не оценил никто из преподавателей. Более того, эти споры продолжались почти два года. Я искал аргументы «за», а они – «против». И вот я получил эту медаль! Правда, мой основной оппонент, который и вручал мне награду, поздравляя меня и пожимая руку, шепнул, что это не означает, что он на 100% во всём со мной согласен. Такая награда дорогого стоит!

Глава 2. В свободном плавании

Я считаю, что мне повезло с работой больше, чем кому-либо из нашего выпуска. Я даже не брал тайм-аут на 2—3 месяца, как обычно это делают выпускники, чтобы вкусить все прелести взрослой жизни.

Ну, ты понимаешь, о чём я говорю? К спиртному я равнодушен до сих пор, а что такое секс я знал с 17 лет. С тех пор как начал участвовать в соревнованиях вне школы. Юношеские игры у нас с 17 до 22 лет. Наши школьные девчонки были «табу», поскольку они без защитных чипов, а живущие «на воле» – кто ж им запретит? Повторяю, в гимнастике юношей почти не было, и желающие пригласить меня в соту всегда находились.

Так вот, по поводу работы. Почти одновременно с нашим выпуском открылся Русский Культурный Центр. А поскольку я знал язык и специализировался по этому поводу – мне там было самое место.

Меня сразу взяли в театр! И дали роль Наполеона! Везение для меня – просто невероятное. Он там у них действовал в три разных исторических периода – молодой блестящий генерал в итальянской компании, дипломат во время переговоров с Александром I при заключении Тильзитского мира и «корсиканское чудовище» – позорное бегство впереди погибающей от мороза армии из России. Там было что сыграть! И я развернулся вовсю. У меня было много и своих идей, некоторые из которых были приняты. То есть какой-то авторитет я заполучил в первые же месяцы.

А когда через полгода объявили конкурс на новый проект по русской литературе, я тоже подал заявку. Я предлагал экранизировать русскую поэзию! На материале стихов разных лет Анны Ахматовой я написал сценарий и изложил свою концепцию постановки этого фильма. Кроме меня было ещё двое соискателей – оба окончили режиссерские курсы. Один из них предлагал сделать фильм по компании 1812 года, используя бессмертное произведение Льва Толстого, а сценарий другого был построен на контрасте картин голода и разрухи 1918-го с поэзией серебряного века. Мы все трое защищали свои проекты перед комиссией экспертов. И я вышел победителем! Толстого отвергли, поскольку ещё был в работе, но должен был вот-вот выйти фильм, в котором я снимался. Там действие происходило тоже и во время этой же компании. А второй соискатель не смог убедить жюри в правильности своей концепции.

– А значит и публика не поймёт и не оценит! – Таков был приговор.

Я получал централизованное финансирование, а в качестве второго режиссера – моего недавнего соперника, любителя поэзии серебряного века.

С Александром я сразу подружился. Не скрою, пришлось приложить немало сил, чтобы у него исчезло чувство обиды, что не его идея пошла в работу. Но я убедил, что идея просто классная, и в фильме об Ахматовой будет возможность её частично воплотить. Так я получил в соратники настоящего профессионала, уже поварившегося в этой специфической среде.

Начались необычайно интересные, даже увлекательные работы по подготовке к съёмкам. Я уже снимался, но это разные вещи – теперь это я отвечал за то, чтобы всё было досконально продумано и подготовлено. Разбив сценарий на куски, чтобы можно было начинать с любого места, а потом всё скомпоновать, мы заказали всю необходимую матчасть. А сами занялись поисками исполнителей главных ролей.

– В роли Анны должна быть «звезда»! – Настаивал Александр. – Тема зрителю не знакома, так пусть будет хотя бы имя исполнительницы главной роли известно всем.

Мы выбрали две подходящие жертвы. Первая – была занята, а вторая – заглотила «наживку»! Гвендолин до этого снималась в основном в ролях отрицательных героинь. Но, «злодеек» зритель запоминает даже лучше. Она к тому же только что засветилась в качестве ведущей в известном Шоу на телевидении.

Меня, конечно, поразила в самое сердце сумма гонорара, которую потребовал её агент. Но Александр убедил – это нормально, когда «звезда» стоит чуть ли не половину стоимости всего проекта. И контракт был подписан.

– Будет не хватать денег, чтобы закончить – найдём спонсоров. Или выпросим добавочное вливание, – легкомысленно пообещал он мне.

– А вот на роль её партнёра-кавалера можно поставить кого угодно. Нужна только достаточно фактурная внешность!

Я про себя подумал, что на вторую «звезду» у нас теперь просто нет денег.

Как раз в это время мне исполнилось 20 лет, и я впервые позвал друзей в соту – устроил праздник по этому поводу. Мы с большим удовольствием первый раз, кстати, со дня выпуска, встретились – всем нам было о чём рассказать друг другу.

С Мартином мы похожи немного по темпераменту, что ли. Он работал тогда ещё в «Профилактическом Центре», но выучился уже патентованию новшеств и нашёл путь к своей мечте – подал заявку в Школу Проводников.

А вот Фил – совсем другой. Два месяца он шляется по клубам, потратив все, полагающиеся каждому выпускнику, деньги на своём счету. Потом отсыпался в соте ещё месяц.

– Должен же я был хорошенько всё обдумать? – объяснил он нам.

А теперь Фил был в полном порядке – организовал группу, которая, применяя восточные методики горлового пения, играла и пела джаз. Нашлись соучастники, даже спонсор нашёлся – владелец одного из клубов.

– Он уже два раза вернул свои деньги, сдавая в аренду нашу группу другим клубам! – усмехнулся Филипп.

Он и был теперь самым богатым и успешным. И даже не спел нам ничего у меня в соте. Зато вручил по два приглашения в дорогой клуб, где со своей группой должен был выступить как раз в свой день рождения. Я пригласил обоих друзей сниматься в моём фильме. Ну, Фил, конечно, отказался, а Мартин пообещал приехать в русский Центр.

Встреча в том клубе состоялась дней через 10. Я отдал второе приглашение Александру – мне хотелось, чтобы он посмотрел на Мартина, как на партнёра для Гведолин. Мартин, как мне казалось, достаточно фактурен, да и в поэзии серебряного века разбирается лучше многих. Александр горячо одобрил мой выбор. А сам Мартин привёл в клуб свою начальницу Амалию, как просил его Филипп. Концерт нам, конечно, очень понравился, да и потанцевали мы потом просто классно – девчонки в этом клубе были просто одна другой краше!

Итак, Мартин приехал в Центр, мы его загромировали, одели в исторический костюм, и он был единогласно утверждён на вторую главную роль.

В первый съёмочный день, загромировав и переодев обоих, – мы с Александром остались довольны результатом.

– Мартин в гриме смотрится достаточно зрелым, чтобы составить пару нашей «звезде», – согласился Александр.

Она тоже снизошла:

– Хороший мальчик, выглядит, во всяком случае, неплохо.

Работать с Гвендолин, как оказалось, одно удовольствие. Всё у неё было выучено и отрепетировано заранее. Если нам что-то не нравилось – она легко перестраивалась на ходу. А вот с Мартином пришлось повозиться. Он не сразу понимал, чего же от него хотят. Я даже начал подозревать, что у него не всё хорошо со слухом, а потом догадался, что дело не в этом. Мой друг умудрился по уши влюбиться в эту женщину, по крайней мере, на 15 лет старше его. Это моё упущение! Мне надо было провести с ним профилактическую беседу, которую когда-то провели со мной. Суть её в следующем:

– По возможности не влюбляйся в актрис, если не хочешь страдать, конечно.

Это даже не их вина – настоящие актрисы играют не только на сцене!

Я пробовал сделать это задним числом – тщетно. Мартин попросил меня репетировать предварительно с ним каждую сцену, пригласив любую другую дебютантку. Ну, этого добра у нас в Центре было всегда навалом! Мартин взял на своей работе отпуск, и мы начали работать. Теперь к каждой сцене с Гвендолин Мартин был подготовлен, а она только удивлялась и радовалась – какой же ей достался понятливый партнёр. Ни о какой взаимности не могло быть и речи – Мартин и сам это прекрасно понимал.

А вот Филипп, пока мы «страдали» на фоне декораций, покорила такую же взрослую и красивую, как Гвендолин, женщину – Амалию, начальницу Мартина. Он охладел к своей группе и пропадал теперь в Профилактическом Центре.

Съёмочная часть работы была позади. Теперь мне предстояло сделать из этих отдельных фрагментов цельное произведение. Картины природы, музыка, искусство монтажа – всё это я проделал сам, советуясь иногда с Александром, которому подвернулась другая работа. И теперь он горел на ней.

Я не стал выпрашивать добавочное финансирование и почти год, доделывая фильм, сам себя продержал на голодном пайке – хотя на зарплату нам с Александром ничего не осталось, но из бюджета мы не вышли. Так что по вечерам я сидел теперь в соте, читая книги по искусству режиссуры, истории костюма, теории и практике спецэффектов, и другим интересным вещам. Заедал я всё это пюреобразными деликатесами, а запивал витаминизированными напитками. Благо, что всё это бесплатно. Я мог, конечно, принять участие в каких-нибудь коммерческих соревнованиях по гимнастике, но не хотелось терять на это время. Спорт был для меня в прошлом, хотя меня приглашали стать преподавателем физвоспитания в Бейбилоне. Даже это меня не прельстило, хотя и обещало полное материальное благополучие. Я хотел стать настоящим режиссером, чтобы ставить великие произведения искусства, чтобы погружать других людей в мир своих фантазий и получать ответный посыл от зрителей.

Мартин уже учился в Школе Проводников. Стипендия там небольшая – он тоже был беден, но счастлив. В Школе он стремился быть лучшим – и его рвение и способности быстро оценили.

Глава 4. Работа на службу безопасности

Однажды Мартин приехал ко мне в выходной, и мы проговорили целый день. Преподаватели из СБ, которые вели в Школе большинство предметов, предложили ему подумать о карьере в их ведомстве. Мартин не смог похоронить свою мечту и отказался. Но получил другое предложение – стать внештатным сотрудником, а, получив опыт и квалификацию в области перемещений, перейти на работу в службу не рядовым работником, а специалистом.

Я от души порадовался за друга. Работа в Службе Безопасности всегда мне казалась самой прямой дорогой на самый верх. И тут Мартин предложил:

– А ты не хочешь поработать там внештатником? Есть такая возможность!

Разумеется, я с восторгом согласился. И мы с Мартином полгода ездили туда вместе, разбирая архивы Бейбиллона. Франц, наш куратор по архиву, нашёл нам и более интересную работу, позволявшую в то же время бесплатно развлекаться. Каждую неделю мы теперь производили вылазки в клубы.

Деятельность наша была тайной и носила явно провокационный характер.

Лично я считал, да и сейчас также так считаю: чтобы уберечь молодёжь от наркотической зависимости – все средства хороши! Тем более, что эти торговцы стимуляторами знали, на что шли.

С нами работала Ирма – штатная сотрудница Службы Безопасности. Высокая, красивая, гибкая – она, к тому же, обладала нешуточной физической силой. При всех этих достоинствах – умница и просто хороший человек. Рядом с Мартином они смотрелись парой. Из-за своей комплекции он всегда выглядел старше своих лет.

Итак, задача, которая перед нами ставилась:

Раскрыть адреса клубов, а ещё лучше имена распространителей запрещённых стимуляторов. Причём своё инкогнито мы должны были сохранять до конца. Ирма сама доводила информацию до нужных людей, и клуб попадал на тотальную проверку.

Наши визиты по дорогим клубам, и даже яркая молодёжная одежда оплачивалась Службой. Это тоже было очень к месту и вовремя. А то мы с Мартином уже забыли про такие качественные развлечения.

К концу года ко мне и к нему судьба стала более благосклонной. Я закончил работу над фильмом. Был назначен даже день премьеры. Комиссия, принимавшая работу, отметила, что я справился отлично, как там даже говорилось, малыми средствами и в срок создал зрелый и интересный фильм, раскрывающий достаточно сложный вопрос. Профессионалам понравилось! А вот публика фильм не оценила. У нас оценивается число платных скачиваний. То ли, как считает Мартин, любителей и знатоков поэзии у нас мало, то ли кто-то сэкономил на рекламе... Но это было уже не важно. Фильм получился, мне самому, и моим друзьям он понравился.

Почти сразу после премьеры я получил предложение возглавить молодёжный театр в нашем Центре. Вернее – организовать его с нуля. Это было почётно, интересно и неплохо оплачивалось. Теперь у меня в помощниках было довольно много профессионалов: специалистов по декорациям, гриму, звуку, режиссеров-постановщиков. Я нанял также бухгалтера и помощника по хозяйству. С самого начала хотелось поставить дело так, чтобы всё было разумно и рационально.

Мы ставили русские пьесы на английском языке. Сразу возникла проблема некоторой диспропорции – конкурс на женские роли был высокий, а найти актёров на мужские – удавалось не всегда. Я рискнул – набрал девчонок, и теперь они у меня играли и большинство мужских ролей тоже.

Ты думаешь, что я, будучи директором женского молодёжного театра, вёл себя как медведь в малиннике? Ошибаешься! Что я робот что ли? Но работа мне, не скрою, нравилась. Материал только уж больно одноплановый. Девочки, желающие стать актрисами, как правило, очень заиклены на себе и своих женских прелестях. За мной ходили буквально табуном. Но я был для них «Господин учитель» и никакой фамильярности!

Работа на СБ продолжалась. Мы с Мартином по-прежнему два раза в неделю ездили в архив. Он уже слетал в Париж и после этого стажёрского рейса проснулся знаменитым. Оказалось, такого молодого «путника» ещё не было в истории перемещений. О нём писала пресса, и показывало ТВ. И пригласили в разные места выступить и поделиться впечатлениями. Я был от души за него рад.

Филипп перешёл на работу в «Профилактический Центр» почти на место Мартина. Они с Амалией замутили там методику омоложения. Мы даже подшучивали над Филом, рисуя ему картины превращения в младенца из-за ошибочной дозы. Вот тебе пример – бросил человек творчество и занялся наукой! И так бывает.

Наша работа по клубам постепенно сходила на нет. Видимо, самых «зlostных» мы к тому времени выявили, а остальные – залегли на дно. Теперь мы предпринимали эти вылазки очень редко. Зато ходили по театрам и репетиционным залам. Я всегда мог отыскать повод – например, поиском актёра на определённую роль. Ирма играла роль моей ассистентки с фотоаппаратом. И в нескольких местах мы обнаружили личностей, предлагавшим актёрам аэрозольный впрыск или таблеточку, для вдохновения, или, чтобы уменьшить волнение перед выходом на сцену.

У нас с Ирмой теперь были даже «агенты», в основном среди журналистов. Сами они об этом даже не догадывались. Они принимали заказы на статьи или фото-кино – репортажи о неформальных молодёжных движениях или клубах, например, с религиозной тематикой. И мы получали развёрнутый анализ явления с точки зрения умных и знающих жизнь представителей прессы. Ирма щедро платила за такие материалы, но они никогда нигде не публиковались.

Глава 5. Крах Мартина и гибель Филиппа

Мартина после того, как он получил диплом номер один от Школы Проводников, взяли на работу в самую богатую туристическую компанию. Там не только очень хорошо платили, но и практиковались различные льготы. Например, после каждого перемещения проводнику полагался оплачиваемый двухнедельный отпуск для восстановления здоровья. Так что Мартин теперь был или в рейс, или в отпуске. Мы частенько встречались на его территории послушать рассказы о перемещениях. Теперь он среди нас был самым богатым и успешным. Мы с Филом даже не могли оплатить туристические путёвки в прошлое – такое это было тогда дорогое удовольствие. Но мне и Филиппу очень хотелось увидеть своими глазами, то о чём нам рассказывал Мартин. И он «пробил» для нас такое путешествие!

Мартин к тому времени прославился как один из самых умелых и опытных проводников. Теперь он возил не только туристов, но и учёных. В основном историков, конечно, но были и другие задачи.

Рейс, в который полетели мы с Филом, организовали фармацевты. И Мартин умудрился устроить всё так, что в качестве «учёных» мы и полетели. Перемещение, правда, было не в Париж, а в Россию – только так можно было оправдать моё присутствие, как переводчика и знатока этого региона. Ну, а с Филом – легче. Он был уже к тому времени доктором. Два года учился и получил соответствующую квалификацию. Только доктор не для больных, а для здоровых людей. Занимается профилактикой – то есть учит «здоровых», как не стать «больными».

Мы получили просто массу феерических впечатлений. Природа Земли до катастрофы, общение с аборигенами и даже приключения – всё это стало предметом наших воспоминаний при встречах. Хотелось, правда, ещё и увидеть Париж!

И вот Мартину вдруг представилась возможность для повторения такого рейса. Не в Париж, правда, но Санкт-Петербург начала 20-го века обещал быть тоже очень интересным. Когда он позвонил мне и рассказал об этом, я с восторгом согласился. Фила он тоже уговорил. И вот перед самым рейсом на меня неудачно упал кусок декорации и сломал мне палец на руке. И я, как говорится, выпал из обоймы.

Был ли это «перст Судьбы»? Не знаю. Подробности этого перемещения тебе известны – их отлично описал Мартин в своих мемуарах. Я много думал потом – что было бы, если бы я полетел тогда вместе с ними? Уговорил ли бы я их отказаться от авантюры по освобождению Гумилёва? Или мы с Филом, например, успели бы спокойно положить парализаторами всех чекистов?

Или предстал перед судом вместе с Мартином и получил приговор? А может быть, остался там, в прошлом, вместе с Филиппом?

Но история, как говорится, не терпит сослагательного наклонения.

Я не знал подробностей суда. Знал только его результат. И как погиб Филипп Мартин мне тоже рассказал. На него больно было смотреть – теперь это был седой, с обожжённой препаратами кожей, сломленный человек, которому даже не хотелось никуда выходить из собственной соты. И безработный. Счёт его, правда, не арестовали, и он успел перебраться в «кандидатский» массив – соты там классом повыше, чем те, которые получают выпускники.

Я предложил ему работу в моём театре. Он отказался. Мол не готов ни физически, ни психологически. Мы расстались, договорившись созвониться.

В этот же день мы встретились с Ирмой по нашим тайным делам. Я рассказал ей, что был у Мартина. Она мне ничего не ответила, но навестила его тоже.

И произошло первое чудо – они полюбили друг друга! И эта любовь вернула Мартина к жизни – он стал «выходить в свет» и думать о будущем.

А потом произошло второе чудо – купили давнишний патент Мартина на какие-то стельки для спортивной обуви. Ирма помогла ему получить за него хорошие деньги и приобрести собственный клуб, который он назвал «Паутиной Веков». Мартин решил сделать его местом встречи для «путников» – эта идея ему была близка по-прежнему. Мы с Ирмой помогали ему изо всех сил.

Глава 6. Клуб Мартина – наша общая победа

Тогда только что появились «виртуальные панорамы». Уже можно было фиксировать объёмную картинку, чтобы создавать высококачественную иллюзию для всех, находящихся внутри помещения. Когда я сказал об этом Мартину – он тоже загорелся и купил аппаратуру. И я занялся реконструкцией земных видов. Это оказалось так увлекательно!

Наша идея для вечера, в честь открытия клуба была проста – посетители перенесутся в Париж! Хотя бы виртуально. Но многие из наших гостей действительно там были. Поэтому всё должно быть сделано качественно, очень похоже на реальность, но только ещё лучше!

И я, слегка забросив театр, занялся этим «уличным кафе на набережной Сены». Часть картинки должна была быть реальной, предметной, остальное – иллюзии. А виды на другом берегу Сены будут меняться, демонстрируя всем лучшие места этого бессмертного города. Для меняющихся видов я смонтировал целый фильм, воспользовавшись весьма обширным архивом парижских съёмок и обработав всё на аппаратуре, которая была теперь у меня в руках. С предметной частью всё было намного проще, тем более, что Мартин не скупился – мы заказывали всё самое лучшее. Я нашёл артистов близкого жанра, которые будут изображать уличных музыкантов в разные эпохи, подобрал для них репертуар, и они начали репетировать.

А пока они будут переодеваться, я предложил на отдельном экране крутить ролик, смонтированный из подлинных выступлений парижских «звёзд». Я смонтировал песни Эдит Пиаф, Шарля Азнавура и других столпов жанра о Париже. Их оказалось так много, что хватило на несколько часов.

Когда я продемонстрировал всю проделанную работу на генеральной репетиции, то мои друзья Мартин и Ирма не сдержали эмоций. Меня обнимали, целовали, уверяли, что я гениален – это было просто фантастически приятно!

Открытие прошло без накладок, без сбоев аппаратуры – этого я опасался больше всего. Еда тоже получилась отличная – ею занимались высококлассный повар, нанятый по совету Ирмы, и сам Мартин. Я, конечно, тогда ещё не был в Париже и не пробовал «высокую кухню», но так вкусно я не ужинал никогда. Публика была в восторге! Около Мартина толпилось множество людей – всем хотелось выразить своё восхищение. А мы с Ирмой сидели вместе за одним из столиков и наслаждались его триумфом. Пресса на другой день описала всё, не жалея красок и восторженных комплиментов. Места сразу были заказаны на полмесяца вперёд.

За год Мартин вернул все свои деньги и получил немалую прибыль. Он расплатился по самой высокой ставке и со мной, хотя я даже не рассчитывал на вознаграждение за свои труды. И сдал мне в аренду всю аппаратуру – я «в отместку» пообещал делать ему каждый месяц новую «картинку».

Вот тогда я и арендовал в нашем же Русском Центре просторное помещение из нескольких смежных комнат, перенёс туда и смонтировал всю эту драгоценную аппаратуру. Это было самое начало моей студии реконструкций.

А у Ирмы начался период тотального невезения. Как говорится – везёт в любви – не обижайся. Мартин предложил ей стать совладелицей «Паутины», и она решила уйти досрочно из Службы Безопасности. Попытка «уйти по состоянию здоровья» инициировала проверку всей её деятельности в связи с утратой доверия. Конечно, такие вещи не происходят просто так – всё это раскрутил Платон, под началом которого она работала некоторое время. Ирму отправили в ссылку на год. Она даже успела приехать в отпуск через полгода. Мартин тогда ещё купил для них дорожную путёвку в «рай» под прозрачным куполом – примерно такой же, как тот в котором мы живём сейчас. Оставалось потерпеть совсем немного, но вдруг она загадочно исчезла. А потом Мартин, подключив Франца, выяснил – Ирма погибла! Упала в тре-

щину между скал и сломала себе шею. В этой её дальней одинокой прогулке было много загадочного, но всё замяли. Мартин был вне себя от горя.

Мы встречались в эти дни практически ежедневно – я должен был поддержать друга, не дать ему впасть в чёрную меланхолию. С гибелью Ирмы я тоже потерял многое. Она была не только моим искренним и преданным другом, но и «связью» с СБ. Полгода меня никто не беспокоил. Я тоже ничего не предпринимал – был очень занят студией реконструкций. А потом меня вызвали в то самое здание, в котором мы когда-то с Мартином разбирали архивы Бейбилона. И мне было сделано предложение: стать штатным сотрудником отдела культуры.

Глава 7. Юлиана

Нет, я не переходил на службу непосредственно в то здание. Я должен был работать и в своём Центре, и «нелегально» тащить внешнюю деятельность отдела культуры, который я, видимо, унаследовал от Ирмы. Но она-то не руководила театром одновременно с работой на СБ. Это просто невозможно.

Я стал готовить свой уход. Оставить за собой, как легальное прикрытие, я запланировал студию реконструкций. В театре к тому времени у меня был неплохой кадр, 32-летний Жюль – один из режиссёров-постановщиков. Он неплохо ладил и с артистками, и с начальством. Был достаточно честолюбив и энергичен. Единственно, в чём возникало сомнение – ему явно не хватало общей эрудиции в самом предмете – русской культуре. Я тут же разослал запросы на такого специалиста. Мне предложили сразу двоих.

Первым я рассмотрел 60-летнего историка, потерявшего здоровье из-за слишком частых перемещений в прошлое. Занимался он именно Россией, и, безусловно, мог быть консультантом Жюля.

Рассмотрел я и вторую кандидатуру. Юлиана, выпускница Бейбиллона, отличница, факультатив русской литературы к тому же свободное владение языком. Я вспомнил себя в аналогичных обстоятельствах и пригласил на собеседование и эту девушку. Задав ей несколько вопросов, я убедился, что владение языком практически свободное, а эрудиция достаточно высока. Но не это поразило моё сердце. Внешне эта хрупкая, небольшого роста девушка, очень напоминала Гвендолин. Даже повадки те же! Ну, правда, цвет волос другой, но это дело легко поправимое. Подумав о Мартине и его разбитом сердце, я взял и её. Позже оказалось, что натуральный цвет её волос – темно-русый. А перекрасилась она как раз потому, что очень хотела попасть на работу в Русский Центр.

Жюль теперь работал с пожилым историком, а я обучал Юлиану. В тесном общении она мне понравилась ещё больше – быстро всё усваивала и даже предлагала свои идеи. К тому же девушка влюбилась в меня, ну, просто намертво! Не скажу, что не приложил никаких усилий для достижения этого результата. Но всё равно это было за гранью моего предшествующего опыта. Актрисульки так не влюбляются – они любят, прежде всего, самих себя.

Я ушёл из театра, забрав с собой Юлиану. Мы теперь вдвоём работали в студии реконструкций. С самого начала она была в курсе абсолютно всех деталей творческого и коммерческого процесса. Договора, поставщики, поиск исполнителей, поиск заказчиков – она всё освоила, не прошло и двух лет.

Более того. Теперь, если я был в своём массиве, то ночевал в её соте. В ответ на её чувство я тоже её полюбил. Так уж вышло – когда принимал на работу – планировал познакомить её с Мартином, но это произошло почти через 10 лет после того дня.

О моей «двойной» жизни знал только он. От Юлианы я всё скрывал – так полагается по инструкции. Она даже не была ни разу в моей соте, хотя мне очень хотелось её пригласить. Но она могла нечаянно раскрыть моё инкогнито, обратив внимание на нестандартную систему связи, например. К тому же я был уверен – за мной наблюдают. Думаю, что устройства слежения установили и в соте Юлианы, хотя я и не нашёл никаких доказательств этого факта.

Я не жалел, что подписал контракт и обязательство о неразглашении. Хотя в действительности всё оказалось далеко не так романтично. То есть, можно сказать, совсем не романтично!

– Холодная голова и горячее сердце? Кажется, так звучит русская поговорка?

Но горячее сердце было явно лишним, если я хотел сделать карьеру в этой области. Мне предложили, и я счёл необходимым пройти курс обучения.

Это пригодилось! Теперь я чётко представлял структуру Службы, её задачи, её сильные и слабые места. Я и практически научился многому. Мог теперь со знанием дела завербовать

агента или выследить, и спровоцировать врагов системы. Прошёл полный курс единоборств, которые преподавались там совсем не так, как на «гражданке».

Понадобилось несколько лет, пока я стал получать действительно серьёзные задания. До этого я тоже работал, но примерно в том же ключе, как когда-то мы с Ирмой. Заказывал журналистам статьи или фотообзоры, которые никогда и нигде не публиковались.

Теперь я курировал и зоны отдыха. Поверь, там, среди обслуживающего персонала, тоже есть желающие заработать на стимуляторах, например. Юлиана, естественно, никогда не занималась со мной этими делами. Поэтому, когда я получил, наконец, предложение занять должность непосредственно в СБ, я не знал, как ей об этом сообщить.

Что студия закрывается в связи с её продажей? А она должна теперь искать работу через биржу труда? Конечно, у меня остались кое-какие связи в Центре, да и в театрах, а у неё накопился опыт в режиссуре, но уж больно специфическая была у неё работа в последние годы.

Забирать её с собой в качестве постоянной спутницы я не собирался. Она просто не подходила для этой роли. Я в последние годы присутствовал на некоторых мероприятиях, которые предусматривали явку с партнёрами. Это была такая выставка тщеславия! Выложенные красавицы с безупречными манерами, которые лишнего не скажут и никогда не позволят себе ничего эксцентричного. Я себе примерно такую уже нашёл. Летти работала в одном из отелей в зоне отдыха. Она была мала ростом, очень красива и прекрасно поддавалась дрессировке. Её я и планировал забрать через год после перехода в элиту.

Да, забыл сказать, моя новая должность предусматривала переход в элиту. Я должен был сделать благотворительный взнос и подать документы на общих основаниях, но СБ вмешается на определённом этапе в этот процесс, и результат будет гарантированным. Продажа студии и должна была покрыть мой благотворительный взнос.

Я обратился к Мартину. Мне, по-любому, была нужна его помощь. Я не успевал – чтобы продать студию необходимо время. Я попросил у него займы, в обмен на доверенность по продаже студии. Он согласился.

Я рассказал ему о Юлиане и своих муках совести. Я не мог ни взять её с собой, ни бросить просто так на произвол судьбы. И даже объяснить ей толком свой поступок. Это несправедливо! Я даже вспомнил, что, приглашая на работу, предполагал когда-то познакомит её с ним.

Мартин согласился посмотреть на неё, но чисто внешне она тогда не произвела на него впечатления. Он просто был слишком избалован избыточным женским вниманием. Десятки красавиц крутились возле него, добиваясь благосклонности.

И знаешь, что он сделал? Он порвал мою доверенность, и просто перечислил на мой счёт деньги на благотворительный взнос. Я был ему очень благодарен:

– Мартин, я верну!

– Когда сможешь и захочешь! – благосклонно ответил мой друг. Он мог себе позволить такие широкие жесты.

Я попрощался с Юлианой, передав ей свои права на студию. Она, по-моему, всё равно была огорчена, но совесть моя теперь успокоилась. Всё что мог – я сделал! А объяснить всё в деталях решил когда-нибудь потом.

Теперь она всё узнает из твоего романа? Так? Я знаю, что вы обмениваетесь материалами. Но, повторяю, в своё время – можешь опубликовать, а здесь – только после моей смерти.

Глава 8. Новая жизнь

Жизнь моя кардинально изменилась после перехода на «легальное» положение. Прежде всего – по характеру работы. Теперь, получив задание что-то выяснить или проверить, я предъявлял удостоверение, и мне была везде и во всём – зелёная улица. Мне почти подобострастно кланялись и выкладывали всю подноготную. А если я указывал на какие-то отклонения от служебных инструкций, которые все «директора» получали от СБ, то, как правило, сдавали всю цепочку исполнителей до самого низа. Так что авторитет Службы позволял без труда выявлять врагов СИСТЕМЫ.

Не только авторитет, конечно, а попросту страх за собственную карьеру и саму жизнь заставляли большинство из них с готовностью помогать нам.

Теперь я участвовал и в судах, если подсудимый работал или был уличён где-то близко к области моей компетенции. Всех распространителей запрещённых стимуляторов приговаривали к смерти через дезинтеграцию. А уличённых только в их употреблении – ожидала каторга. Туда отправляли на долгие годы – не меньше 10-ти лет. Отбывающий каторгу лишался всех прав – сота, счета и всё имущество конфисковывалось в пользу системы. Но, если, отбыв свой срок, виноватый возвращался к нормальной жизни, – ему снова предоставлялась сота, правда, в специальном массиве. До конца жизни он оставался под особым контролем СБ.

Все земляне и так находились под надзором СБ – если возникала нужда кого-либо срочно разыскать, зная его личный код, это можно было сделать по сигналам личного чипа, воспользовавшись специальной вездесущей системой связи.

Конечно, то, что задумал конкретный индивид – оставалось тайной даже для Службы. Но это легко было узнать, вызвав подозрительную личность на проверку. В недрах Службы, применяя детектор лжи и, задавая вопросы по определённой схеме, можно было выяснить всю правду. За всё время работы мне попался только один человек, на которого не действовал этот метод. Я доложил начальству об этом феномене – в результате, как я потом узнал, он был дезинтегрирован, как личность весьма опасная для системы.

Да, сразу после перехода на легальную службу меня протестировали медики и заменили чип. Всем штатным сотрудникам имплантируются чипы последнего поколения, которые отличаются от стандартных, как небо от земли. Теперь я мог сам регулировать свой режим труда и отдыха. Например, если необходимо – не спать 2—3 дня. И быстро осваивать огромные пласты информации. А состояние здоровья контролировалось по огромному числу параметров. И каждый год, на тотальном медосмотре эти чипы заменялись на новые, ещё более совершенные, с улучшенными параметрами, с опциями по обострению интуиции и расширению сознания.

Это касалось не всех, перешедших в элиту, а избранных. Сюда включалось, кроме штатных работников СБ, высшее руководство и те, на кого оно укажет. Учёные, непосредственно занимающиеся тяжёлым умственным трудом, не входили в эту категорию. Странно, правда? Считалось, что это опасно для системы.

В подробностях всего этого я разобрался намного позже, а пока просто наслаждался своими новыми возможностями и поглощал в огромных количествах «служебную» информацию, касающуюся истории, культуры и науки Новейшей Эры.

Информирование населения о текущих проблемах производилось выборочно – что-то могли знать только люди, имеющие «допуск», дальше шли остальные – перешедшие в элиту, ну, а неорганизованному населению полагалось знать лишь то, что характеризовало систему с самой лучшей стороны. Так что никакой оппозиции не могло возникнуть по определению. Были, конечно, исключения, как с фариями, например, но они только подтверждают правило.

Такие возможности для узкого круга обычно порождают злоупотребления. Ты, как историк, прекрасно знаешь о соответствующих фактах в разные исторические эпохи. Наиболее известен кардинал Ришелье и его люди при Людовике 14-м, а русская история? Мрачные застенки времён Анны Иоанновны или деятельность службы товарища Дзержинского в более близкий к твоему времени исторический период? Их злоупотребления широко известны. В Новейшей Эре, конечно, СБ не занималась охотой за ведьмами. В мистику тут никто не верит.

А вот богатые коммерсанты, получившие за счёт денег большую, чем другие, степень свободы, пользовались повышенным вниманием Службы. Их или «завербовывали» или «пасли», выискивая криминал в их поступках. А там и до ссылки с конфискацией недалеко. Мартин попадал, как раз, в такую группу риска.

Мне его очень не хватало, особенно в первые годы. Общаться с ним мы тогда могли только по электронной почте, которую, я это точно знал, жёстко контролировало СБ. Отработав год, я отправился в свой первый отпуск, и мы встретились, и поговорили обо всём. Но прежде – я проверил своими методами наличие «жучков» в его рабочем кабинете и в соте. Обезвредил всё, что нашёл. Рабочий кабинет в «Паутине» он мог теперь содержать в полной стерильности, поставив там силовую защиту от вторжения, а с сотой дело обстояло сложнее – у него там периодически жили разные пассии, не исключено, что внештатные сотрудницы СБ. Так что все секретные переговоры Мартин вёл теперь только в «Паутине». Там же я проинструктировал его, что конкретно может вызвать подозрения службы и спровоцировать её на решительные действия против него. Он был очень признателен и сказал мне тогда, что я ему больше ничего не должен.

Так я в первый раз «злоупотребил» своим служебным положением. А куда деваться? Я же не робот. Это их можно «запрограммировать» определённым образом, а всю предыдущую информацию просто стереть.

Глава 9. О личном

Я забрал в свой массив Летти, как и планировал через год. Лучше бы я этого не делал! Но кто же знал, что на 52 году жизни я впервые в жизни на себе испытаю, что такое всепоглощающая, самозабвенная, полностью меняющая приоритеты романтическая любовь.

Летти жила у меня в соте второй год, когда на ежегодном медосмотре я познакомился с Хильдой. Она работала психотерапевтом. Я зашёл в кабинет и впал в ступор – мне на минуту показалось, что я вижу Эльзу – добрую фею моего детства. Маленькая, зеленоглазая златовласка, как Белоснежка из сказки, вышла навстречу и усадила меня на диванчик. Она, мне кажется, сразу поняла, что со мной творится. И своим тихим нежным голоском «выпытала» у меня всю подноготную.

Да, это была почти Эльза, но на 20 лет моложе меня. Я даже предполагаю, что Хильда, возможно, её дочь. Через много лет, получив полный допуск к секретной информации, я пытался разыскать Эльзу, но её уже не было в живых к тому времени. Так что сверить её ДНК с ДНК Хильды мне не удалось.

Почти год я «осаждал» эту крепость. Мою задачу тормозили два обстоятельства. Во-первых, она профессионал и, как ей и полагалось, «видела всех насквозь». Во-вторых, её совсем недавнее прошлое не позволяло расслабиться и до конца поверить в мои чувства.

Она жила во «вдовьем» массиве. Это специальное место для женщин, не перешедших в элиту и лишившихся своих покровителей.

Как бы тебе объяснить? И мужчины, и женщины переходят в элиту обычно годам к 50—60-ти. А женщины в этом возрасте не подходят, как сексуальные партнёрши для преуспевающих и полных сил мужчин того же возраста. Природа-мать, что тут сделаешь? Перешедшие в элиту мужчины (женщинам это тоже не возбраняется) могут привезти для себя партнёршу помоложе из общего массива, но она не становится от этого элитным персонажем! То есть не пользуется соответствующими льготами.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.